К западу от Октября (сборник)

Автор:
Рэй Брэдбери

К западу от Октября (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

В спальне захолустного мотеля на почетном месте стоит надгробный камень…

Древний ирландский призрак преследует знаменитого кинорежиссера всей силой своей нерастраченной любви…

Герою-авиатору Первой мировой войны мнится, что ему выставлен счет за былые победы…

От современного классика американской литературы – двадцать три истории о любви, смерти, человеческих взаимоотношениях и вопросах бытия.

Рэй Брэдбери

К западу от Октября (сборник)

А эту книгу с любовью посвящаю моим внучкам Джулии и Клэр и Джорджии и Мэллори

Конвектор Тойнби

[1 - Тойнби, Арнольд (1889–1975) – английский историк, автор 12-томного труда «Постижение истории» (1934–1961), в котором изложил свою философию истории, свое видение циклического развития и упадка цивилизаций (на примере 26 народов). Подвергся суровой критике коллег, поскольку признавал за мифами и метафорами не меньшую значимость, чем за фактическими данными.]

– Класс! Блеск! Ай да я!

Роджер Шамуэй плюхнулся на сиденье вертолета, пристегнул ремень, запустил пропеллер и устремился к летнему небу на своей «Стрекозе» модели «Супер-6», держа курс на юг, в сторону Ла-Хольи.

– Вот повезло так повезло!

Его ждала невероятная встреча.

Человек, который совершил путешествие в будущее, после векового молчания согласился на интервью. Сегодня ему стукнуло сто тридцать лет. А ровно в шестнадцать часов по тихоокеанскому времени исполнялось сто лет с момента его уникального путешествия.

Именно так! Столетие тому назад Крейг Беннет Стайлз помахал рукой, шагнул в свой аппарат, так называемый мега-хронометр, и покинул настоящее. С тех пор он так и остался единственным за всю историю человечества путешественником во времени. А Шамуэй стал единственным в истории репортером, который удостоился от него приглашения на чашку чая. Но помимо этого?.. Не исключено, что старик собирался объявить о втором – и последнем – путешествии во времени. Он сам на это намекнул.

– Эй, дед! – воскликнул Шамуэй. – Мистер Крейг Беннет Стайлз, я уже на подходе!

«Стрекоза», чуткая к его восторгам, оседлала ветер и понеслась вдоль побережья.

Старик поджидал у себя в Ла-Холье, на крыше «Обители времени», примостившейся возле кромки утеса, откуда стартовали воздухоплаватели. В вышине пестрели алые, синие и лимонно-желтые дельтапланы, с которых доносились мужские голоса, а на краю земли толпились девушки, что-то кричавшие в небо.

В свои сто тридцать лет Стайлз был еще хоть куда. При виде вертолета он сощурился, и выражение лица у него стало точь-в-точь как у парящих в воздухе простодушных аполлонов, которые рассыпались в разные стороны, когда вертолет нырнул вниз.

Шамуэй завис над крышей, предвкушая желанный миг.

К нему было обращено лицо человека, который увидел во сне очертания городов, испытал непостижимые озарения, запечатлел секунды, часы и дни, а потом бросился в реку веков и поплыл, куда задумал. Бронзовое от загара лицо именинника.

Ведь как раз в этот день, сто лет назад, Крейг Беннет Стайлз, только-только завершивший путешествие во времени, обратился по каналам «Телстара» к миллиардам телезрителей во всем мире, чтобы описать им будущее.

– Мы своего добились! – сказал он. – У нас все получилось! Будущее принадлежит нам. Мы заново отстроили столицы, преобразили города, очистили водоемы и атмосферу, спасли дельфинов, увеличили популяцию китов, прекратили войны, установили в космосе солнечные батареи, чтобы освещать Землю, заселили Луну, Марс, а вслед за тем и Альфу Центавра. Мы нашли средство от рака и победили смерть. Мы это сделали – слава богу, мы все это сделали! Да воссияют будущего пики!

Он показал фотографии, продемонстрировал образцы, предоставил пленки и диски, аудиокассеты и видеозаписи своего невероятного турне. Мир сошел с ума от радости. Мир с ликованием бросился навстречу своему будущему, мир поклялся спасти всех и вся, не причиняя вреда живым тварям на суше и на море.

Воздух огласили приветственные крики старика. Шамуэй ответил тем же, и по его велению «Стрекоза» пошла на посадку в облаке летней прохлады.

Крейг Беннет Стайлз, ста тридцати лет от роду, сделал широкий, энергичный шаг вперед и, как ни удивительно, помог молодому репортеру выбраться из «вертушки», потому что Шамуэй, пораженный такой встречей, внезапно почувствовал дрожь в коленках.

– Даже не верится, что я здесь, – сказал Шамуэй.

– Здесь, где же еще, – засмеялся путешественник, – и как раз вовремя. Не ровен час я рассыплюсь в прах и увеюсь с ветром. Закуски уже на столе. Полный вперед!

Чеканя шаг, Стайлз двинулся вперед под мелькающей тенью винта, словно в кинохронике из далекого будущего, которое странным образом уже кануло в прошлое.

Шамуэй потрусил следом, как дворняжка за победоносной армией.

– Какие будут вопросы? – Старик ускорил ход.

– Во-первых, – выдохнул Шамуэй, еле поспевая за ним, – почему спустя сто лет вы нарушили молчание? Во-вторых, почему выбрали меня? В-третьих, какое эпохальное заявление будет сделано сегодня, ровно в шестнадцать часов, когда ваше молодое «я» прибудет из прошлого, когда – на какой-то быстротечный миг – вы окажетесь в двух местах одновременно, когда две ваших ипостаси, прежняя и нынешняя, парадоксальным образом сольются воедино, ко всеобщей радости?

Старик рассмеялся:

– Ну, ты и завернул!

– Прошу прощения. – Шамуэй покраснел. – Домашняя заготовка. Ну, не важно. В общем, к этому и сводятся мои вопросы.

– Скоро получишь ответы. – Старик тронул его за локоть. – Всему… свое время.

– Извините, я немного волнуюсь, – признался Шамуэй. – Как-никак, вы – человек-загадка. Вас знают на всем земном шаре, ваша слава безгранична. Вы повидали будущее, вернулись, рассказали о своем путешествии – а потом отгородились от мира. Нет, если быть точным, вы месяц-другой разъезжали по всему свету, мелькали на экранах, написали книгу, подарили нам великолепный двухчасовой телефильм, но после этого ушли в добровольное заточение. Конечно, машина времени до сих пор выставлена у вас на первом этаже, и посетителям ежедневно, в полдень, предоставляется возможность ее осмотреть и потрогать. Но вы отказались пожинать плоды личной славы…

– Это не так. – Старик все еще вел его по крыше. Внизу, среди зелени, уже садились другие вертолеты, которые доставляли телевизионное оборудование самых разных компаний, чтобы можно было запечатлеть фантастическое зрелище, когда машина времени появится из прошлого, зависнет в небе и унесется в другие города, прежде чем опять кануть в прошлое. – Как зодчий, я по мере сил участвовал в создании того самого будущего, которое увидел в молодости, посетив наше золотое завтра!

Они помедлили, наблюдая за кипящими внизу приготовлениями. В саду накрывали огромные фуршетные столы. С минуты на минуту ожидалось прибытие политических деятелей мирового масштаба, которые пожелали выразить признательность – возможно, в последний раз – этому легендарному, почти мифическому путешественнику.

– Пошли, – сказал старик. – Хочешь посидеть в машине времени? Такое еще никому не дозволялось, ты и сам знаешь. Хочешь стать первым?

Ответа не потребовалось. От старика не укрылось, как заблестели и увлажнились глаза молодого гостя.

– Да ладно тебе, – забормотал старик. – Будет, будет, чего уж там…

Стеклянная кабина лифта скользнула вниз и перенесла их на цокольный этаж, где посреди белоснежного зала стоял…

Умопомрачительный аппарат.

– Ну вот. – Стайлз тронул какую-то кнопку, и пластиковый футляр, сто лет защищавший машину времени, отъехал в сторону; старик кивнул. – Залезай. Садись.

Шамуэй медленно пошел к машине.

Стайлз тронул еще одну кнопку, и машина, вспыхнув изнутри, стала похожей на затянутую паутиной пещеру. Она вдыхала годы и тихо выдыхала воспоминания. По ее хрустальным венам летали призраки. Великий бог-паук за одну ночь соткал для нее ковры. Она была обитаемой; она была живой. Ее механизм омывали невидимые приливы и отливы. В ее чреве хранился жар солнц, таились фазы лун. С одного края, вся в клочьях, металась осень, а с другого подступали снежные зимы, которые влекли за собою весенние цветы, чтобы опустить их на поляны лета.

Не в силах произнести ни звука, молодой репортер вцепился в подлокотники мягкого кресла.

– Ты не бойся, – приободрил его старик. – Я же не отправляю тебя в путешествие.

– Да я бы не возражал, – отозвался Шамуэй.

Старик вгляделся в его лицо.

– Верю. Ты похож на меня – каким я был сто лет назад. Ни дать ни взять мой названный сын!

Тут молодой гость прикрыл глаза; ресницы поблескивали влагой, а витавшие со всех сторон призраки сулили бессчетное множество завтрашних дней.

– Что скажешь? Как тебе нравится мой «конвектор Тойнби»? – порывисто заговорил старик, отгоняя грезы.

Он отключил подсветку. Репортер открыл глаза.

– «Конвектор Тойнби»? Что это?..

– Ага, еще одна загадка? Так я про себя зову этот аппарат – в честь великого Тойнби, блестящего историка, который сказал: любая общность, любая раса, любая цивилизация, которая не стремится поймать будущее и повлиять на него, обречена превратиться в прах, остаться в прошлом.

– Он прямо так и сказал?

– Примерно. Да. Так вот, можно ли выдумать лучшее название для моей машины? Ау, Тойнби, где ты там? Вот тебе ловушка для будущего!

Старик схватил гостя за локоть и вытянул из кабины.

– Хорошего понемножку. Времени у нас в обрез. Сюда вот-вот пожалуют сильные мира сего. А потом Стайлз, ветеран путешествий во времени, сделает последнее эпохальное заявление! За мной!

Вернувшись на крышу, они посмотрели вниз, где уже собирались знаменитости и полузнаменитости со всего света. На подъездах образовались пробки, небо заслонили вертолеты и бипланы. Дельтапланам не осталось места; они, как стадо цветных птеродактилей, уже давно томились на краю обрыва, сложив крылья и подняв носы к облакам.

– Надо же, – прошептал старик, – все это – в мою честь.

Репортер взглянул на часы:

– Без десяти четыре, начинаем обратный отсчет. Близится великое прибытие. Уж извините, но это я сочинил еще на прошлой неделе, когда писал о вас материал для «Новостей». Прибытие и отправление, которые слились в единый миг, когда вы, шагнув сквозь время, изменили будущее всего мира – от ночной тьмы к свету дня. Но меня преследует один вопрос…

– Говори какой?

Шамуэй уставился в небо:

– Когда вы двигались вперед по ходу времени, неужели никто не замечал вашего прибытия? Как вы думаете, неужели ни один человек, задрав голову, не увидел, как в воздухе завис ваш аппарат – сначала здесь, потом над Чикаго, над Нью-Йорком и Парижем? Ни одна живая душа?

– Как тебе сказать, – ответил создатель «конвектора Тойнби». – Полагаю, меня просто не ждали! Если кто-то и заметил нечто странное, откуда ему было знать, что это за штуковина! К тому же я соблюдал осторожность, нигде подолгу не задерживался. Много ли мне было нужно: снять на пленку перестроенные города, чистые моря и реки, свежий, не знающий смога воздух, неукрепленные рубежи, спокойную жизнь всеобщих любимцев – китов. Я перемещался стремительно, фотографировал быстро и пулей помчался назад, против течения времени. Как ни парадоксально, сегодня все будет иначе. Миллионы и миллионы глаз дружно устремятся вверх. Каждый человек в бескрайней толпе будет переводить взгляд – разве не так? – с желторотого авантюриста, сгорающего в небе, на старого дурака, все еще гордого своей победой.

– Это правда, – сказал Шамуэй. – Так и будет!

Раздался хлопок. Шамуэй оторвался от зрелища людской толчеи на окрестных площадках, от кружения летающих машин, потому что Стайлз откупорил бутылку шампанского.

– Наш приватный тост на приватном празднике.

Взяв бокалы, они ждали заветного мгновения, за которое полагалось выпить.

– Осталось пять минут, продолжаем обратный отсчет. А почему, – спросил молодой репортер, – никто, кроме вас, не совершал путешествий во времени?

– Да потому, что я сам положил этому конец, – ответил старик, перегибаясь через ограждение крыши и глядя на толпы собравшихся. – Осознал, чем это чревато. Нет, я-то вел себя разумно, не забывая о последствиях. Но нетрудно представить, какой начнется кавардак, если все кому не лень повалят в кегельбаны времени и будут сбивать кегли направо и налево, повергать в ужас туземцев, распугивать горожан, вмешиваться в судьбу Наполеона или воскрешать Гитлера и ему подобных? Боже упаси! Правительство, разумеется, согласилось – вернее, потребовало, чтобы «конвектор Тойнби» стоял на вечном

приколе. Сегодня ты стал первым и последним человеком, чьи отпечатки пальцев останутся на его рычагах. Десятки тысяч дней аппарат находился под надежной охраной, чтобы его не украли. Что там со временем?

Шамуэй посмотрел на часы, у него перехватило дыхание:

– Осталась одна минута, продолжаем обратный отсчет…

Теперь Шамуэй стал отсчитывать вслух секунды, старик отсчитывал вместе с ним.

Они подняли бокалы с шампанским.

– Девять, восемь, семь…

Внизу наступила мертвая тишина. Небо дышало ожиданием. Телекамеры устремились кверху, готовые начать слежение.

– Шесть, пять…

Они чокнулись.

– Четыре, три, две…

Сделали первый глоток.

– Одна!

Оба со смехом выпили еще. Потом взглянули на небо. Золотистый воздух над береговой линией Ла-Хольи замер. Настал миг великого прибытия.

– Оп! – выкрикнул молодой репортер, словно фокусник на манеже.

– Оп, – мрачно повторил Стайлз.

Никакого эффекта.

Прошло пять секунд.

Небо зияло пустотой.

Прошло десять секунд.

Воздушная стихия не дрогнула.

Прошло двадцать секунд.

Ничего.

Не выдержав, Шамуэй вопросительно посмотрел на старика, стоявшего рядом.

Стайлз выдержал его взгляд, повел плечами и сказал:

– Я солгал.

– Что? – вскричал Шамуэй.

В толпе началось волнение.

– Я солгал, – без обиняков повторил старик.

– Не может быть!

– И тем не менее, – сказал путешественник во времени. – Никуда я не летал. Просто обставил все так, чтобы все поверили. Машины времени нет и в помине – есть только ее подобие.

– Как же так? – Репортер в полной растерянности схватился за перила. – Как же так?

– Вижу, у тебя на лацкане закреплен микрофон. Включай. Да. Годится. Пусть все слышат. Поехали.

Старик допил остатки шампанского, а потом заговорил:

– Все потому, что я рос в такое время – в шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы, – когда человечество потеряло веру в себя. Я воочию видел это неверие: у меня на глазах разум утратил разумное стремление к выживанию; от этого мною овладела тревога, потом апатия, потом злость. Везде и всюду в том, что я видел и слышал, сквозило сомнение. Везде и всюду маячил крах. В профессии – безысходность, в размышлениях – тоска, в политике – цинизм. А если не скука и не цинизм, то воинствующий скепсис и ростки нигилизма.

Старик умолк, припомнив что-то еще. Он нагнулся, чтобы извлечь из-под стола коллекционную бутылку красного бургундского с этикеткой 1984 года. С осторожностью вытаскивая старинную пробку, он продолжил свой рассказ.

– Куда ни кинь – просвета не было. Экономика пришла в упадок. Земля превратилась в помойку. Главным настроением стала меланхолия. Невозможность перемен стала популярной идеей. Девизом сделался конец света… Все потеряло смысл. Ложишься спать в одиннадцать, устав от мрачных вестей, просыпаешься в семь, а вести – еще хуже. Весь день барахтаешься в пучине. Ночью тонешь в омуте бед и напастей. Ох!

Это пробка с тихим хлопком выскочила из горлышка. Нынче 1984 год не сулил никаких бед[2 - …1984 год не сулил никаких бед… – аллюзия на роман-антиутопию Дж. Оруэлла «1984» (1949).], можно было дать вину «подышать». Путешественник втянул носом аромат и одобрительно кивнул, прежде чем рассказывать дальше.

– На горизонте появились не только четыре всадника апокалипсиса, готовые обрушиться на наши города; с ними был пятый всадник, пострашнее прочих: отчаяние, кутаясь в темный саван краха, созывало прошлые беды, нынешние поражения, будущее малодушие. Под градом черных плевел, без единого светлого зерна, какую жатву готовил человечеству пресловутый двадцатый век?.. Луну предали забвению, забытыми оказались и красные пески Марса, и гигантский глаз Юпитера, и фантастические кольца Сатурна. Мы не ждали утешения. Мы рыдали над могилой ребенка, и этим ребенком были мы сами.

– Неужели это правда? – тихо спросил Шамуэй. – Всего сто лет назад?

– Чистая правда. – Будто в подтверждение своих слов, путешественник поднял бутылку. Плеснув себе немного вина, он пристально изучил его на свет, вдохнул аромат и продолжил: – Ведь ты смотрел хронику того времени, читал книги. Ты и без меня это знаешь. Ну, разумеется, были и яркие моменты. Когда Солк изобрел вакцину от полиомиелита, спасшую детские жизни во всем мире. Когда «Игл» опустился на Луну, позволив сделать гигантский скачок для всего человечества[3 - Когда «Игл» опустился на Луну, позволив сделать гигантский скачок для всего человечества. – «Это маленький шаг для одного человека, но гигантский скачок для всего человечества» – первые слова, которые произнес астронавт Нил Армстронг 21 июля 1969 г., ступив на поверхность Луны из спускаемого аппарата «Игл».]. Но в умах и на устах большинства оставался пятый всадник, исподволь подгоняемый вперед. Временами казалось, он вот-вот одержит верх. И тогда люди могли бы с мрачным удовлетворением сказать, что их пророчества Судного дня оказались верными. Выходит, мы сами накликали беду, вырыли себе могилу и приготовились в нее лечь.

– Но вы не могли этого допустить? – подсказал репортер.

– Видишь, ты сам догадался.

– Поэтому вы создали «конвектор Тойнби»…

– Не сразу. На это ушли годы.

Старик поболтал в бокале темное вино, задержал на нем взгляд, а потом пригубил, закрыв глаза.

– Все это время я шел ко дну, впадал в уныние, ночами молча лил слезы и думал: что можно сделать, чтобы спасти нас от самих себя? Как спасти моих друзей, мой город, штат, страну, весь мир от этой обреченности? Как-то в поздний час я засиделся у себя в библиотеке и, проведя рукой по полкам, наткнулся на старую книгу Герберта Уэллса, из числа моих любимых. Его машина времени, как призрак, окликнула меня сквозь годы. Я это услышал! Осознал. Прислушался очень внимательно. Потом перенес это на чертежи. Сконструировал. Отправился, скажем так, в путешествие. Все остальное, как тебе известно, уже история.

Допив вино, старый путешественник открыл глаза.

– Господи, – зашептал репортер, качая головой, – боже правый. О чудо, просто чудо…

Внизу зрело людское неистовство – в садах, на окрестных полях и дорогах, даже в воздухе. Миллионные толпы все еще чего-то ждали. А как же великое прибытие?

– Такие дела, – сказал старик, налив вина своему гостю. – Вот я каков, а? Сам сделал машины, построил макеты городов, не забыл пруды, озера, моря. Воздвиг архитектурные ансамбли на фоне кристально чистых вод, поговорил с дельфинами, поиграл с китами, состряпал пленки, придумал мифы. Ох, сколько же потребовалось изнурительных трудов и тайных приготовлений, прежде чем я объявил дату, отправился в путешествие и вернулся с добрыми вестями!

Марочного вина больше не осталось. Людской ропот крепчал. Все, кто находился внизу, теперь смотрели на крышу.

Помахав им рукой, путешественник отвернулся.

– А теперь – быстро. Решайся. У тебя есть пленка с записью моего рассказа. Вот тебе еще три кассеты с новыми подробностями. Вот полная видеозапись моей вдохновенной аферы. Вот законченная рукопись. Бери, бери все, для будущих поколений. Передаю тебе права наследования, как отец сыну. Шевелись!

Когда Шамуэй вторично очутился в лифте, ему показалось, что мир уходит из-под ног. Он не знал, как быть, то ли плакать, то ли смеяться, и в конце концов издал торжествующий вопль.

Старик удивился, но издал точно такой же вопль – они как раз выходили из лифта, чтобы направиться к «конвектору Тойнби».

– Улавливаешь суть, сынок? Жизнь – это извечный самообман! Мальчишки, юноши, старики. Девчонки, девушки, женщины. Все преспокойно себя обманывают, а потом стараются, чтобы обман стал явью. Сперва придумают себе мечту, а потом все помыслы, идеи, силы направляют на то, чтобы ее осуществить. В конечном счете, все сущее – это только надежда. То, что кажется ложью, – это убогая необходимость, ждущая своего часа. Вот так-то. Точка.

Он нажал на кнопку, чтобы отодвинуть прозрачный футляр, надавил на другую, и машина времени заурчала, тогда он проворно забрался в кабину и сел в кресло пилота.

– Дерни последний рычаг, юноша!

– Но ведь…

– Небось, ты про себя думаешь: если машина времени – это афера, какого черта дергать рычаги? – засмеялся старик. – Так ведь? А ты все-таки дерни! Уж на этот раз все будет без обмана!

Шамуэй повернулся к стене, нашел рычаг управления, но, взявшись за рукоять, посмотрел на Крейга Беннета Стайлза.

– Ничего не понимаю. Куда это вы собрались?

– Что тут непонятного: на свидание с веками. Чтобы существовать именно теперь, в далеком прошлом.

– Разве такое возможно?

– Поверь, сейчас все сработает. Прощай, дружок, хороший ты парень!

– Прощайте.

– Да, вот еще что. Скажи-ка, кто я есть.

– В каком смысле?

– Назови меня как положено – и жми на рычаг.

– Путешественник во времени?

– Молодчина! Давай!

Шамуэй дернул рычаг вниз. Машина зажужжала, взревела, полыхнула энергией.

– Ох, – произнес старик, закрывая глаза и еле заметно улыбаясь. – Хорошо-то как.

Его голова бессильно свесилась на грудь.

Шамуэй с воплем стукнул по рычагу снизу вверх и бросился к машине, чтобы отстегнуть ремни.

На мгновение он остановился, чтобы пощупать у старика пульс – сначала на запястье, потом под шеей, – и застонал. У него потекли слезы.

Старик и впрямь отправился в прошлое, имя которому – смерть. Сейчас он безвозвратно летел сквозь время.

Шамуэй отпрянул и вновь запустил машину. Если уж старик на это решился, пусть его детище уйдет вместе с ним, хотя бы чисто символически. Машина сочувственно урчала. Ее огонь, яркий огонь солнца, разгорался в паутине проводов и оснастки, освещая стариковские щеки и высокий лоб; путешественник погружался во тьму, голова его кивала от вибрации, а на губах застыла по-детски счастливая улыбка.

Репортер еще долго стоял как вкопанный и только утирал слезы. Потом, так и не выключив машину, он зашагал к выходу и в ожидании лифта стал вытаскивать из кармана пиджака полученные пленки и кассеты, которые вереницей полетели в настенный мусоросжигатель.

Двери раскрылись, и Шамуэй ступил в кабину лифта, створки сомкнулись у него за спиной. Лифт заурчал, почти как машина времени, и понес его в изумленный, нетерпеливо ожидающий мир, на яркий континент, к берегам грядущего, на прекрасную, живую планету…

Которую сотворил один человек, единожды солгав.

Лаз в потолке

Прожив добрый десяток лет в этом старом доме, Клара Пек сделала поразительное открытие. На лестнице, что вела на второй этаж, прямо над головой…

Обнаружился лаз в потолке.

– Вот так штука!

Она поднялась на один пролет, приросла к лестничной площадке и недоуменно уставилась в потолок, не веря своим глазам.

– Быть такого не может! Как это я прохлопала? Надо же, у меня в доме, оказывается, есть чердак!

Тысячу дней, тысячу раз она поднималась и спускалась по этой лестнице – и ничего не замечала.

– Куда ты смотрела, старая дура!

И она устремилась вниз, едва не полетела кубарем и даже не вспомнила, для чего поднималась наверх.

Перед обедом она, как взбудораженная девчонка-переросток, тощая, с бескровными щеками и блеклыми волосами, снова пришла постоять под этой дверцей: стреляла горячечным взглядом, прикидывала, размышляла.

– Ну, допустим, нашла я эту чертову лазейку, а дальше что? Не иначе как за ней чулан. Вот ведь…

И в смутной тревоге побрела в комнату, предчувствуя скорое умопомрачение.

– Не бери в голову, Клара Пек! – приговаривала она, когда чистила пылесосом гостиную. – Тебе всего-то пятьдесят семь годков. Из ума пока не выжила, слава богу!

Нет, почему она раньше ничего не замечала?

Да потому, что тишина здесь была особенной, – вот почему. Крыша никогда не протекала, так что с потолка не капало; балки не скрипели от ветра; мышей не было и в помине. Вот если бы сверху донесся шепот дождя, стон древесины или мышиный топоток, она бы непременно подняла голову и увидела этот лаз.

Но дом хранил молчание, и она оставалась в неведении.

– Будь оно неладно! – вырвалось у нее за ужином.

Она вымыла посуду, часов до десяти почитала и легла спать раньше обычного.

Как раз в ту ночь ей впервые послышался приглушенный стук, будто наверху кто-то отбивал морзянку, а потом принялся выцарапывать гвоздем всякие гадости под прикрытием равнодушного, бледного, как лунный свет, потолка.

В полусне она прошептала одними губами: «Мышь?»

А потом наступил рассвет.

Спускаясь на кухню, чтобы приготовить завтрак, она не сводила пытливых девчоночьих глаз с дверцы в потолке и поймала себя на том, что у нее чешутся руки принести стремянку.

– Черта с два, – пробормотала она. – Еще не хватало карабкаться на пустой чердак. Вот пройдет неделя…

Через три дня лаз пропал.

Точнее, Клара о нем забыла. Словно его и не бывало.

Зато на третью ночь мыши – или какие-то неведомые твари – опять заметались над потолком, ни дать ни взять седые, как паутина, призраки на зыбких лунных дорожках.

После такого сравнения на ум пришли сухие колючки, пушинки одуванчика и обыкновенные клочья пыли – мало ли что слетает с подоконника на чердаке.

Ей подумалось: хорошо бы уснуть, но из этой затеи ничего не вышло.

Лежа на спине, она с таким упорством сверлила глазами потолок, что, казалось, ее взгляд вот-вот пробьет штукатурку и доберется до ночных смутьянов.

Тараканьи бега? Мышиный табор, перекочевавший из соседского дома? В последнее время к ним в округу частенько вызывали бригаду, которая натягивала над домом брезент, вроде мрачного шапито, чтобы швырнуть туда ядовитую дымовую шашку и отбежать в сторону, обрекая на смерть невидимых приживал.

А те, наверное, успевали собрать свои ворсистые пожитки и спастись бегством. Лишившись крова, они обосновались на чердаке у Клары Пек, где нашли стол и дом.

И все же…

Она не смыкала глаз и вновь услышала шорохи. Они бороздили широкое чело потолка затейливыми ритмами, в глухой чердачной камере длинные когти скреблись и царапались то в одном углу, то в другом.

Клара Пек затаила дыхание.

Ритмы ускорились. Они исподволь устремились в заветное место над дверью спальни, сразу за притолокой. Казалось, мелкие твари, незнамо какие, топчутся у потайной загородки в поисках выхода.

Клара Пек медленно села в постели, потом встала и так же медленно нажала плечом на дверь, чтобы не скрипнули петли. Медленно приоткрыла дверную створку. Выглянула в коридор, который полная луна залила холодным мерцанием сквозь лестничное оконце, чтобы высветить…

Лаз в потолке.

Словно почуяв тепло человеческого тела, крошечные приблудные твари-призраки скопились прямо за потолочной дверцей.

«Боже праведный! – подумала Клара Пек. – А ведь они меня слышат. Хотят, чтобы я…»

Дверца мелко задрожала под напором суетливых комков.

По деревянному наличнику снова и снова шуршали, скользили невидимые паучьи лапы, мышиные коготки, а может, скрученные бурые обрывки старой газеты.

Все явственнее, все громче.

Клара едва не закричала: «Вон отсюда! Кыш!»

Тут зазвонил телефон.

– Ох! – выдохнула Клара Пек.

Кровь лавиной отхлынула от сердца и сковала ноги, до кончиков пальцев.

– Чтоб тебя!

Она подбежала к телефону и с такой силой сжала трубку, будто надумала ее задушить.

– Кто это?! – рявкнула она.

– Клара! Это я, Эмма Кроули! Что у тебя стряслось?

– Фу ты! – вскричала Клара. – Напугала меня до смерти! Эмма, почему ты звонишь в такое время?

В трубке повисло долгое молчание, у собеседницы на другом краю городка тоже перехватило дух.

– Глупо, конечно, но я никак не могла уснуть. Что-то почудилось…

– Эмма…

– Погоди, не перебивай. Ни с того ни с сего меня как ударило: Клара захворала, а может, расшиблась или…

Придавленная звуком ее голоса, Клара тяжело опустилась на край кровати, закрыла глаза и кивнула.

– Клара, – не унималась Эмма где-то в необозримом далеке, – ты жива-здорова?

– Жива-здорова, – выдавила наконец Клара.

– Не заболела? Дом не сгорел?

– Нет-нет-нет.

– Слава богу. Глупая моя голова. Не сердишься?

– Не сержусь.

– Ну и ладно… спокойной ночи, – распрощалась Эмма Кроули.

Клара Пек с минуту глядела перед собой и слушала гудки, которые твердили, что говорить больше не с кем, но в конце концов ощупью положила трубку на рычаг.

После этого она отправилась проверить лаз.

Ни звука. Только кружево осенних листьев, облепивших окно, тенью дрожало и трепетало на деревянной дверце.

Клара подмигнула.

– Думаешь, ты умнее всех? – спросила она.

В ту ночь она больше не слышала ни рысканья, ни хороводов, ни мышиной возни.

Звуки повторились через трое суток – и стали еще громче.

– Это уже не мыши, – решила Клара Пек, – это здоровенные крысы. Эй!

Потолок откликнулся на этот зов причудливым танцем без музыки. Странная чечетка не умолкала, пока с неба лился лунный свет. Но стоило ему погаснуть, как в доме воцарилась тишина, которую нарушало только дыхание еле живой Клары Пек.

К концу недели фигуры хороводов сделались более четкими. Они отдавались эхом в каждой из верхних комнат: в бельевой, в старой спальне и даже в библиотеке, где в прежние годы обитатели дома листали книжные страницы и любовались волнами каштановой рощи.

На десятые сутки, в три часа ночи, Клара Пек снова заслышала барабанную дробь и зловещие синкопы. Осунувшаяся, вся в испарине, она схватила телефонную трубку и набрала номер Эммы Кроули.

– Клара! Я так и знала, что ты позвонишь!

– Да ведь сейчас три часа ночи, Эмма. Неужели ты не удивилась?

– Нисколько. Я лежала без сна и думала о тебе. Хотела позвонить, но почувствовала себя полной идиоткой. Значит, у тебя и вправду что-то неладно?

– Эмма, ответь на один вопрос. Если чердак много лет пустовал – и в одночасье словно ожил, к чему бы это?

– Не знала, что у тебя есть чердак.

– А кто знал? Представь себе: сначала там вроде как сновали мыши, потом затопали крысы, а теперь носятся кошки. Что мне делать?

– Звони в службу «Крысолов» на Мейн-стрит. Сейчас… Записывай: Мейн-семь-семь-девять-девять. А ты точно знаешь, что на чердаке кто-то есть?

– Да там настоящие бега!

– А кто жил в этом доме до тебя, Клара?

– Кто…

– Понимаешь, до сих пор все было спокойно, а теперь, как бы это сказать, завелись паразиты. Может, там кто-то умер?

– Умер?

– Вот именно, если в доме когда-то кто-то умер, то, скорее всего, никаких мышей у тебя нет.

– Кто ж тогда здесь топает – привидения?

– А разве ты не веришь…

– С привидениями знаться не желаю. Равно как и с подругами, которые пугают меня всякой нечистью. Ты мне больше не звони, Эмма!

– Да ведь ты сама мне позвонила!

– Повесь трубку, Эмма.

Эмма Кроули положила трубку.

В четверть четвертого Клара Пек выскользнула в холодный коридор, немного постояла, а потом ткнула пальцем вверх, словно бросая вызов потолку.

– Призрак, ты там? – прошептала она.

Дверные петли, невидимые в ночи, смазал ветер.

Рассчитывая каждое движение, Клара Пек медленно вернулась к себе и улеглась в постель.

В двадцать минут пятого дом содрогнулся от ветра.

Неужели это в коридоре?

Она насторожилась. Прислушалась.

Деревянная дверца над лестницей тихонько, едва уловимо скрипнула.

И распахнулась.

«Не может быть!» – мелькнуло в голове у Клары Пек.

Дверца качнулась вверх, прижалась к потолку и опять со стуком упала вниз.

Так и есть! – подумала Клара.

Пойду проверю, решила она.

– Нет!

Вскочив с постели, она бросилась к дверям, повернула ключ и снова легла.

Укрылась с головой и, не помня себя, набрала номер.

– Алло, «Крысолов»! – послышался ее собственный голос, заглушенный одеялом.

В шесть утра, совершенно разбитая, она уже спускалась вниз, глядя прямо перед собой, чтобы не видеть зловещий потолок.

На полпути она все же оглянулась, опешила и рассмеялась.

– Вот дуреха! – вырвалось у нее.

Потому что дверца не была распахнута.

Она была закрыта.

– «Крысолов»? – проговорила она в телефонную трубку в семь тридцать безоблачного утра.

В полдень перед домом Клары Пек затормозил фургон службы «Крысолов».

Гроза паразитов по фамилии Тиммонс шел к крыльцу с таким развязно-кичливым видом, что Клара Пек сразу поняла: этот тип не понаслышке знает, что такое грызуны, термиты, старые девы и странные ночные звуки. На ходу он окидывал мир презрительным взглядом тореадора, а может, парашютиста, спустившегося с заоблачных высот, или ловеласа, который закуривает сигарету, повернувшись спиной к жалкой фигурке на постели. Вот он нажал на кнопку звонка – ни дать ни взять посланец богов. Клара вышла на порог и едва не захлопнула дверь у него перед носом, потому что борец с грызунами взглядом сорвал с нее платье, вмиг обнажив ее тело и мысли. Его губы скривились в ухмылке алкоголика – он явно был доволен собой. Кларе не оставалось ничего другого, кроме как воскликнуть:

– Нечего стоять столбом! Работать надо! – Она развернулась и зашагала по коридору под его изумленным взглядом.

Через несколько шагов она оглянулась, чтобы проверить, какое действие возымели ее слова. По-видимому, до сих пор женщины с этим молодчиком так не разговаривали. Некоторое время он изучал дверной косяк, а потом не без любопытства шагнул в дом.

– Сюда, – указала Клара.

Она прошествовала по коридору и поднялась на площадку, где загодя была приготовлена металлическая стремянка. Клара ткнула рукой вверх:

– Вот чердак. Разберись, что там за чертовщина. Да не вздумай с меня лишнего содрать. Будешь спускаться – ноги вытирай. А я пошла по магазинам. Надеюсь, тебя можно оставить без присмотра, дом-то не обчистишь?

Каждой своей фразой Клара сбивала с него спесь. Крысобой побагровел. У него заблестели глаза. Не успел он и слова сказать, как она уже спустилась в прихожую и накинула легкое пальто.

– Ты хоть знаешь, как мыши на чердаке топают? – осведомилась она через плечо.

– Не глупее вас, хозяйка, – сказал он.

– Язык придержи. А крыс отличишь? Там, наверно, крысы – уж больно здоровые. А какие твари, поболее крыс, плодятся на чердаках?

– У вас в округе еноты водятся?

– Да как они на чердак-то залезут?

– Это вам лучше знать, хозяйка.

Тут оба умолкли: наверху что-то тихонько заскреблось. Потом стало царапаться. Потом глухо застучало, как сердце.

На чердаке началась какая-то возня.

Тиммонс зажмурился и охнул:

– Вот оно!

Клара Пек удовлетворенно закивала, натянула перчатки и поправила шляпку, не сводя с него глаз.

– Похоже… – протянул мистер Тиммонс.

– На что?

– В этом доме когда-нибудь жил капитан дальнего плавания? – спросил он после паузы.

Звуки сделались громче. Казалось, весь дом стонет и ходит ходуном под невидимой тяжестью.

– Напоминает корабельный трюм. – Тиммонс прислушивался с закрытыми глазами. – Как будто груз сорвался, когда судно меняло курс. – Он расхохотался и открыл глаза.

– Час от часу не легче. – Клара попыталась вообразить такое зрелище.

– Сдается мне, – Тиммонс с кривой ухмылкой глядел в потолок, – вы под крышей устроили теплицу или что-то наподобие того. Такое впечатление, будто там всходы поднимаются. Или дрожжи. Выпирают из квашни размером с собачью конуру. Мне рассказывали, как один чудак в подвале дрожжи разводил. У него…

Входная дверь захлопнулась.

Клара Пек, раздосадованная его зубоскальством, крикнула из-за порога:

– Вернусь через час. Не отлынивай!

Ей в спину летел его хохот. Она лишь один раз остановилась на дорожке, чтобы оглянуться.

Этот идиот переминался возле стремянки, воздев глаза к потолку. Потом он пожал плечами, махнул рукой, мол, «была-не была», и…

Резво полез по ступенькам, как матрос по трапу.

Вернувшись ровно через час, Клара Пек увидела, что фургон санитарной службы все так же стоит у тротуара.

– Вот черт, – пробормотала она. – Я-то думала, он к этому времени управится. Гусь этакий, толчется в доме, дерзит…

Она остановилась и прислушалась.

Тишина.

– Странно, – прошептала она и окликнула: – Мистер Тиммонс!

Тут Клара Пек опомнилась – до незапертой двери оставалось не менее двадцати шагов, она приблизилась к порогу.

– Есть кто живой?

В прихожей ее встретила тишина, точь-в-точь как прежде, когда мыши еще не превратились в крыс, а крысы не переросли в здоровенных тварей, что водили хороводы на верхней палубе. Только вдохни такую тишину – она и задушить может.

Клара Пек задрала голову и остановилась у подножия лестницы, прижав к груди пакет с продуктами, словно безжизненного младенца.

– Мистер Тиммонс!..

Но в ответ не услышала ни звука.

На лестничной площадке сиротливо стояла стремянка. Дверца в потолке оказалась закрытой.

– Ну, значит, его там нет! – подумала она. – Не мог же он запереться изнутри. Вот прохиндей – наверняка улизнул.

Сощурившись, она еще раз выглянула на улицу, где под ярким полуденным солнцем томился его фургон.

– Скорее всего, не смог мотор завести. Пошел за подмогой.

Она забросила покупки на кухню и впервые за долгие годы ни с того ни с сего зажгла сигарету. Выкурила, зажгла вторую и только после этого, грохоча кастрюлями и нарочито постукивая консервным ножом, принялась готовить обед.

Дом прислушивался, но не отвечал.

К двум часам тишина стала густой, словно запах мастики.

– Служба «Крысолов», – сказала она вслух и набрала номер.

Через полчаса начальник службы собственной персоной прикатил на мотоцикле, чтобы отогнать брошенный фургон. Приподняв фуражку, он вошел в дом, перекинулся парой слов с Кларой Пек, осмотрел пустые комнаты и прислушался к тягостному молчанию.

– Ничего страшного, мэм, – изрек он, хотя и не сразу. – Чарли в последнее время стал выпивать. Завтра появится – сразу его уволю. А чем он у вас занимался?

Его взгляд скользнул вверх по лестнице, туда, где на площадке оставалась стремянка.

– Да так, – быстро нашлась Клара Пек, – проверял помещения.

– Завтра я сам приду, – пообещал начальник.

Как только он уехал, Клара Пек поднялась на площадку, внимательно оглядела чердачную дверцу и шепотом произнесла:

– А ведь этот тоже тебя не заметил.

Над головой не скрипнула ни одна балка, не пробежала ни одна мышь.

Клара стояла как истукан, а солнечный свет, льющийся в открытую дверь, уже падал косыми лучами.

Зачем, пытала она себя, зачем я солгала?

Но ведь дверь-то закрыта?

Сама не знаю почему, думала она, но больше не хочу никого пускать наверх. Глупость, да? Нелепость, верно?

За обедом она все время прислушивалась.

И когда мыла посуду, оставалась настороже.

В десять она легла спать, но не у себя наверху, а в комнатушке для прислуги, пустовавшей с давних времен. Кто его знает, почему она так поступила – просто легла в кухаркиной комнате, вот и все, а сама прислушивалась до боли в ушах, пока кровь не застучала в висках и на шее.

Застыв, как в гробу, она выжидала.

Около полуночи налетел ветерок и будто бы зашуршал сухими листьями на стеганом одеяле. Она широко раскрыла глаза.

Балки дрожали.

Клара подняла голову.

По чердаку гулял шепоток.

Она села.

Звуки сделались громче и тяжелее, будто в чердачной темноте шевелился матерый, но какой-то бесформенный зверь.

Она спустила ноги на пол и повесила голову. Шумы раздались опять, где-то под самой крышей: в одном углу кроличий топот, в другом – необъятное сердце.

Клара Пек вышла в прихожую и остановилась под окном в лунных лучах, какие предвещают холодный рассвет.

Держась за перила, она стала крадучись подниматься по лестнице. Добравшись до площадки, тронула пальцами стремянку и подняла взгляд.

Глаза сами собой зажмурились. Сердце екнуло, а потом остановилось.

Потому что прямо перед ее взором дверца стала открываться. За ней обнаружился хищный квадрат темноты, а за ним бесконечный, как ствол шахты, мрак.

– С меня хватит! – вскричала Клара Пек.

Она ринулась вниз, отыскала в кухонном ящике молоток и гвозди, а потом в ярости бросилась вверх по ступеням.

– Не верю я в эту чертовщину! – кричала она. – Чтоб этого больше не было, ясно? Прекратить!

Стоя на верхней ступени стремянки, она волей-неволей ухватилась за край чердака – одна рука по локоть ушла в сплошную тьму. Темя тоже оказалось там.

– Давай! – приказала она.

В тот самый миг, когда ее голова просунулась в квадрат, а пальцы нащупали край лаза, произошло нечто невероятное и стремительное.

Можно было подумать, кто-то вцепился ей в волосы и потащил вверх, точно пробку из бутылки – туловище, руки, негнущиеся ноги.

Она исчезла, как по волшебству. Унеслась, как марионетка, которую невидимая сила дернула за ниточки.

Лишь домашние тапочки остались стоять на верхней ступени стремянки.

Ни вздоха, ни стона. Только долгая, живая тишина – секунд на десять.

Потом без всякой видимой причины дверца со стуком затворилась.

Из-за этой необыкновенной тишины лаз в потолке и дальше оставался незамеченным.

Пока новые жильцы не прожили в доме десять лет.

Восточным экспрессом на север

Когда Восточный экспресс шел в северном направлении, из Венеции в Кале через Париж, старушка обратила внимание на одного из пассажиров: он отличался неестественной бледностью.

Судя по всему, его ждала близкая смерть от какого-то тяжкого недуга.

Он занял двадцать второе купе в конце третьего вагона и распорядился, чтобы ему принесли завтрак; только в сумерках он собрался с силами, чтобы дойти до залитого обманным светом вагона-ресторана, где царил звон хрусталя и женский смех.

Еле двигаясь, он сел через проход от этой престарелой дамы с необъятным бюстом, безмятежным челом и особой добротой в глазах, которая приходит только с годами.

Рядом с ней стоял медицинский саквояж, а из нагрудного кармана, не добавлявшего женственности ее облику, торчал термометр.

К этому термометру невольно потянулась ее рука при появлении жутковатого, мертвенно-бледного пассажира.

– О господи, – прошептала мисс Минерва Хол-лидей.

Мимо ее столика проходил метрдотель. Она тронула его за локоть и кивком указала через проход:

– Простите, куда едет этот несчастный?

– В Кале, мадам, а оттуда в Лондон. Но это уж как бог даст.

И он заспешил по своим делам.

Потеряв аппетит, Минерва Холлидей не сводила глаз со снежного скелета.

Как могло показаться со стороны, этот пассажир мгновенно ощутил родство со столовыми приборами. Ножи, вилки и ложки позвякивали холодной серебряной трелью. Он с интересом прислушивался, как будто этот звук беспокойно дрожащих предметов отдавался у него в душе перезвоном потусторонних колоколов. Его руки одинокими зверьками застыли на коленях, и от этого на каждом повороте он едва не заваливался на бок.

Поезд как раз описывал широкую дугу, и столовое серебро со звоном посыпалось на пол. В другом конце ресторана какая-то женщина со смехом воскликнула:

– Такого не бывает!

Ее спутник хохотнул еще громче:

– Я и сам не верю!

От такого совпадения странный пассажир начал как-то подтаивать. Недоверчивые смешки этой пары прошили его насквозь.

Он весь сжался. Глаза ввалились, а изо рта готово было вырваться белое облачко.

Потрясенная, мисс Минерва Холлидей наклонилась вперед и протянула к нему руку. Помимо своей воли она прошептала:

– А я верю!

Результат сказался мгновенно.

Странный пассажир выпрямился. Белые щеки вспыхнули румянцем. В глазах сверкнул живой огонек. Покрутив головой, он остановил взгляд на этой кудеснице, исцелявшей словом.

Отчаянно краснея, престарелая сестра милосердия, обладательница необъятного теплого бюста, спохватилась, встала с кресла и поспешила уйти.

Не прошло и пяти минут, как мисс Минерва Холлидей услышала в коридоре шаги метрдотеля, который стучался во все двери и о чем-то приглушенно спрашивал. Он остановился возле ее купе и заглянул внутрь:

– Вы, случайно, не…

– Нет. – Она сразу поняла, что ему нужно. – Я не врач. Но у меня есть диплом медсестры. Что-то случилось с тем господином в вагоне-ресторане?

– Да, да! Умоляю, мадам, пройдемте со мной!

Смертельно бледного старика уже перенесли в купе.

Мисс Минерва Холлидей приоткрыла дверь.

Пассажир лежал с закрытыми глазами, губы сжались в бескровный шрам, и только подергивание головы в такт движению поезда создавало видимость жизни.

Боже милостивый, промелькнуло у нее в голове, да ведь он мертв.

Но вслух она только и сказала:

– Если вы мне понадобитесь, я позову.

Метрдотель вышел.

Осторожно прикрыв раздвижную дверь, мисс Минерва Холлидей повернулась, чтобы осмотреть покойника – сомнений не оставалось, перед ней лежал покойник. И все же…

Помедлив, она решилась пощупать его запястья: в них пульсировала ледяная вода. Мисс Минерва Холлидей отпрянула, словно обжегшись сухим льдом. Потом, склонившись над бледным лицом, она зашептала:

– Слушайте меня очень внимательно. Договорились?

В ответ, если это ей не почудилось, раздался один-единственный холодный удар сердца.

Она продолжала:

– Сама не знаю, как меня осенило. Но я знаю, кто вы такой и чем страдаете…

Поезд вписался в поворот. Голова больного бессильно моталась, как будто у него была сломана шея.

– Могу сказать, от чего вы умираете! – шептала она. – Ваш недуг называется «люди»!

Он выпучил глаза, как от выстрела. Она не останавливалась:

– Вас убивают люди, попутчики. В них и коренится ваше недомогание.

Плотно закрытый рот, смахивающий на рану, дрогнул от подобия выдоха:

– Да-а-а-а-а… а-а-а-а.

Она крепче сжала его запястье, пытаясь нащупать пульс:

– Вы ведь родом из Центральной Европы, верно? Когда в ваших краях долгими ночами завывал ветер, люди настораживались. Но с приходом перемен вы решили найти избавление в путешествиях, хотя…

В этот миг коридор огласился зажигательным хохотом молодой, взбодренной вином компании.

Немощный пассажир содрогнулся.

– Откуда… вы… – зашептал он, – все это… знаете?

– У меня большой медицинский опыт и цепкая память. Я видела, знала кое-кого, похожего на вас, когда мне было шесть лет…

– Правда? – выдохнул он.

– В Ирландии, неподалеку от Килешандры. У моего дядюшки там был дом, который простоял не менее ста лет, и как-то раз, в дождливую, туманную ночь, на крыше послышались шаги, потом что-то заворочалось в коридоре, будто ненастье проникло в дом, и ко мне в спальню вошла эта тень. Я села в кровати, и меня обдало холодом. Мне это врезалось в память; я убеждена, все было наяву: тень присела ко мне на кровать и стала нашептывать какие-то слова… точь-в-точь… как вы.

Не открывая глаз, больной старик прошелестел из глубин своей арктической души:

– И кто… нет, что… я такое?

– Вы не больны. И вам не угрожает смерть. Вы…

Ее перебил отдаленный свисток Восточного экспресса.

– …призрак, – закончила она.

– Да-а-а-а-а! – вырвалось у него.

Это был неизбывный крик бедствия, признания, убежденности. Старик резко сел:

– Да!

Неожиданно в дверном проеме возник молодой священник, готовый исполнить свои обязанности. Поблескивая глазами, он облизнул губы, присмотрелся к немощной фигуре и, сжимая в одной руке распятие, спросил в полный голос:

– Наверное, пора?..

– …совершить последние приготовления? – Старик приоткрыл одно веко, словно крышечку серебряной шкатулки. – С вами? Нет. – Он перевел взгляд на сестру милосердия. – С ней.

– Сэр! – вознегодовал священник.

Отступив назад, он дернул распятие вниз, как парашютист дергает кольцо, резко повернулся и ринулся прочь.

А старуха-сиделка осталась подле своего пациента, теперь пораженного еще большей бледностью; наконец он сам вывел ее из оцепенения:

– Как же вы намереваетесь меня выхаживать?

– Ну, – смущенно улыбнулась она, – что-нибудь придумаем.

Восточный экспресс опять протяжно завыл, рассекая ночные мили туманного марева.

– Вы едете до Кале? – спросила она.

– Да, потом в Дувр, оттуда в Лондон и еще дальше, в окрестности Эдинбурга, где стоит замок, в котором я буду в безопасности…

– Боюсь, из этого ничего не выйдет… – Лучше бы она выстрелила ему в сердце. – Нет, нет, постойте, вы не так поняли! – воскликнула она. – Ничего не выйдет… без моей помощи! Я провожу вас до Кале, а потом через Ла-Манш в Дувр.

– Да ведь вы меня совсем не знаете!

– Ничего страшного: в раннем детстве, которое прошло в туманной, дождливой Ирландии, я видела вас во сне – задолго до встречи с таким, как вы. Когда мне было девять лет, я бродила по торфяникам в поисках собаки Баскервилей.

– Понимаю, – сказал бледноликий незнакомец. – Вы англичанка, а в англичанах сильна вера!

– Точно. Сильнее, чем в американцах – тем свойственно сомневаться. Французы? Циники. Англичанам и вправду нет равных. Почитай, в каждом старинном лондонском доме обитает грустная повелительница туманов, которая плачет перед рассветом.

На очередном повороте дверь купе сама собой откатилась в сторону. Из коридора хлынул поток ядовитых голосов, горячечной болтовни, богохульного – иначе не скажешь – хохота. Несчастный больной обмяк.

Проворно вскочив, Минерва Холлидей захлопнула дверь и не мешкая обратилась к своему подопечному с той долей фамильярности, которую дает многолетняя привычка к ночным бдениям у чужой постели.

– И все же, – спросила она, – кто ты такой?

И странный пациент, увидев перед собой лицо печальной девочки – возможно, той самой, которую ему довелось встретить многие годы тому назад, – начал историю своей жизни.

– Две сотни лет я обитал в заштатном городке неподалеку от Вены. Чтобы выдержать нападки неверующих, равно как и глубоко верующих, я прятался в пыли библиотек, подкрепляясь мифами и кладбищенскими преданиями. По ночам наслаждался, когда от меня в испуге шарахались лошади, заходились лаем собаки, разбегались коты… стряхивал крошки с могильных плит. С годами мои собратья по невидимому миру исчезали один за другим, потому что замки и угодья приходили в упадок, а то и сдавались внаем под женский клуб или гостиницу. Лишенные крова, мы превращались в призрачных скитальцев; нас поносили, топили в болоте безверия, сомнений и презрения, делали из нас посмешище. Население росло, а вместе с ним росло и безверие, и все мои соплеменники пустились в бега. Я – последний, кто пытается пересечь Европу и добраться до какого-нибудь мирного, умытого дождями прибежища, где люди, как им положено, пугаются при виде сажи и дыма бродячих душ. Англия и Шотландия – это по мне!

Его голос затих.

– А как тебя зовут? – спросила она, помолчав.

– У меня нет имени, – прошептал он. – Тысячи туманов проплыли над моим родовым склепом. Тысячи дождей оросили мое надгробие. Следы резца стерты ветром, водой и солнцем. Моего имени не вспомнят ни цветы, ни травы, ни мраморная пыль. – Он открыл глаза. – Зачем это тебе? Почему ты мне помогаешь?

Только сейчас она по-настоящему улыбнулась, потому что с языка сорвался единственно верный ответ:

– Мне впервые в жизни досталась синяя птица.

– Синяя птица?

– Я прозябала, как пыльное чучело. Не ушла в монастырь, но и не вышла замуж. Ухаживала за больной матерью и полуслепым отцом, ничего не видела, кроме

больничных палат и ночных мук на смертном одре. От меня исходил запах лекарств, а встречные мужчины не склонны были считать его ароматом духов. Вот так я и сама сделалась похожей на привидение, понимаешь? А теперь, в эту ночь, прожив шестьдесят шесть лет, я наконец-то нашла такого пациента, какой мне еще не встречался. Господи, во мне пробудился азарт. Спортивный интерес! Я проведу тебя сквозь толпу на вокзале, мы увидим Париж, оттуда доедем до побережья, сойдем с поезда и пересядем на паром. Чем не…

– Синяя птица! – подхватил ее бледный подопечный, содрогаясь от накатившего смеха.

– Она самая! Каждый из нас нашел свою синюю птицу. Вот только… – осеклась Минерва Холлидей, – в Париже, кажется, едят мелких пташек, вдобавок к тому, что поджаривают на костре священнослужителей.

Бледноликий опять закрыл глаза и шепнул:

– В Париже? Да, верно.

Поезд издал скорбный вопль. Ночь миновала.

Они подъезжали к Парижу.

Как раз в это время по коридору пробегал мальчуган лет шести. Он заглянул в купе и при виде больного остановился как вкопанный, а бледный старик ответил ему холодом ледяного полярного безбрежья. Ребенок ударился в плач и пустился наутек. Престарелая сестра милосердия широко распахнула дверь и высунула голову.

Мальчик что-то сбивчиво объяснял стоящему в отдалении отцу. Тот бросился по коридору с криками:

– Что здесь происходит? Кто напугал моего… – Он не договорил. Сквозь открытую дверь купе в вагоне замедлившего ход Восточного экспресса он увидел это бледное лицо – и прикусил язык, пробормотав: – …моего сына?

Бледноликий пассажир смотрел на него спокойным туманно-серым взглядом.

– Я не… – Француз отшатнулся, прищелкнув языком от изумления. – Пардон! – У него перехватило дыхание. – Примите мои извинения!

Он поспешил к сыну и затолкал его в купе, приговаривая:

– Нечего реветь! Пошел!

За ними захлопнулась дверь.

– Париж! – пронеслось по всему поезду.

– Тихо и быстро, – приказала Минерва Холлидей, прокладывая путь своему дряхлому спутнику среди вокзальной сумятицы и чужой клади.

– Я сейчас растаю! – вскричал бледноликий.

– Со мной не растаешь! – Она выставила перед собой корзину для пикника и чудом втолкнула своего подопечного в последнее такси, оставшееся на стоянке.

Под грозовым небом они подъехали к воротам кладбища Пер-Лашез. Массивные ворота уже закрывались. Медсестра достала пригоршню франков. Створки ворот застыли на полпути.

Среди десятка тысяч надгробий можно было побродить в тишине. От такого обилия холодного мрамора, от такого множества потаенных душ у старой сиделки началось головокружение, разболелось запястье, а левую сторону лица обдало внезапным холодом. Противясь недомоганию, она тряхнула головой. И они пошли дальше меж могильных плит.

– Где мы устроимся на пикник? – спросил он.

– Где угодно, – ответила она. – Только с оглядкой! Как-никак, это французское кладбище! Кругом одни циники! Полчища себялюбцев, которые сжигали людей на костре только за их веру, а потом сами горели на костре за собственную веру! Так что выбирай, где тебе больше нравится!

Они продолжили путь.

– Первое надгробье в этом ряду, – кивком указал старик. – Под ним – пустота. Смерть окончательна и бесповоротна, нет даже шепота времени. Второе надгробье: женщина, втайне верующая, любила мужа и надеялась соединиться с ним в вечности… здесь ощущается шорох духа, движение сердца. Уже лучше. Третья плита: писатель, строчил детективы для какого-то французского журнала. А сам больше всего любил ночь, туман и старинные замки. У этого камня даже температура подходящая, как у доброго вина. Вот здесь мы и присядем, голубушка: ты откупоришь бутылку шампанского – глядишь, и скоротаем время до поезда.

Она с радостью протянула ему стакан:

– А тебе не вредно пить?

– Можно пригубить. – Он принял стакан из ее рук. – Только пригубить.

Немощный пассажир чуть не «умер» на выезде из Парижа. Вагон заполонили интеллектуалы, посетившие цикл семинаров на тему «тошноты» Сартра; воздух истощался и кипел от их разглагольствований о Симоне де Бовуар[4 - Вагон заполонили интеллектуалы, посетившие цикл семинаров на тему «тошноты» Сартра; воздух истощался и кипел от их разглагольствований о Симоне де Бовуар. – Жан-Поль Сартр (1905–1980) – французский философ-экзистенциалист, писатель; его роман «Тошнота» (1938) написан в форме дневника некоего Антуана Рокентина, который, будучи не в состоянии обрести веру или воздействовать на окружающую действительность, проникается абсурдностью существования. Симона де Бовуар (1908–1986) – французская писательница, ученица и сподвижница Сартра.].

Бледный старик еще больше побледнел.

Вторая остановка после Парижа – и еще одно нашествие! Экспресс атаковали немцы, шумно ниспровергающие дух предков, не отягощенные политическими принципами. Некоторые даже размахивали книгой под названием «А был ли Бог дома?».

Призрак вжался в свой прозрачный скелет.

– Ох! – вскричала мисс Минерва Холлидей и побежала к себе в купе, чтобы тут же вернуться и обрушить на него охапку книг.

– «Гамлет»! – зачастила она. – Тут есть про тень его отца, помнишь? «Рождественская песня»[5 - «Рождественская песня» (1843) – первая из «Рождественских повестей» Чарльза Диккенса (1812–1870).]. Целых четыре привидения! «Грозовой перевал»[6 - «Грозовой перевал» (1847) – роман Эмили Бронте (1818–1848).] – ведь Кэти возвращается, верно? Ага, «Поворот винта»[7 - «Поворот винта» (1898) – новелла Генри Джеймса (1843–1916) (см. прим. к с. 270.).] и… «Ребекка»[8 - «Ребекка» (1938) – самый известный роман Дафны Дюморье (1907–1989), внучки Джорджа Дюморье (см. прим. к с. 155).]! А вот и моя любимая – «Лапка обезьяны»[9 - «Лапка обезьяны» (1902) – рассказ У. У. Джейкобса (1863–1943).]! Что ты выбираешь?

Но пассажир-призрак не вымолвил ни слова. Его веки были сомкнуты, а губы запечатаны льдом.

– Погоди! – вскричала она.

И раскрыла первую книгу…

Гамлет стоял на стене замка, слушая речи своего отца-призрака; Минерва Холлидей читала:

– «Так слушай… Уж близок час мой, / Когда в мучительный и серный пламень / Вернуться должен я…»

И дальше:

– «Я дух, я твой отец, / Приговоренный по ночам скитаться…»

Она не останавливалась:

– «Коль ты отца когда-нибудь любил… О боже!.. Отомсти за гнусное его убийство».

И опять:

– «Убийство гнусно по себе; но это / гнуснее всех…»

Экспресс летел сквозь сумерки, а она читала последний монолог призрака отца Гамлета:

– «…Но теперь прощай!.. / Прощай, прощай! И помни обо мне»[10 - «Так слушай… <…> И помни обо мне!» – У. Шекспир. Гамлет. Перевод М. Лозинского / Полное собрание сочинений в восьми томах: Том 6. М., 1960. С. 33–35.].

Она повторила:

– «…помни обо мне!»

Призрак в Восточном экспрессе задрожал. Она сделала вид, что ничего не заметила, и взялась за следующую книгу:

– «Начать с того, что Марли был мертв…»[11 - «Начать с того, что Марли был мертв…» – Ч. Диккенс. Рождественские повести / Собрание сочинений в тридцати томах: Том 12. Перевод под редакцией О. Холмской. С. 7.]

А Восточный экспресс грохотал по вечернему мосту над невидимой рекой.

Ее руки, словно птицы, порхали над книгами.

– «Я – Святочный Дух Прошлых Лет»[12 - «Я – Святочный Дух Прошлых Лет»! – Ч. Диккенс. Рождественские повести / Собрание сочинений в тридцати томах: Том 12. Перевод под редакцией О. Холмской. С. 32.]!

И потом:

– «Повозка-призрак выскользнула из тумана и с цоканьем скрылась во мгле…»[13 - «Повозка-призрак выскользнула из тумана и с цоканьем скрылась во мгле…» – Из рассказа «Повозка-призрак» (1885) Редьярда Киплинга (1865–1936).]

Не раздался ли поблизости едва уловимый цокот конских копыт – где-то в горле призрака-скитальца?

– Все бьется, бьется, бьется под досками пола старое сердце-обличитель![14 - Все бьется, бьется, бьется под досками пола старое сердце-обличитель! – парафраз финала рассказа Эдгара По (1809–1849) «Сердце-обличитель» (1843).] – негромко воскликнула она.

И тут – как прыжок лягушонка. Послышалось слабое биение пульса – впервые за последний час с небольшим.

В коридоре немцы палили из стволов безверия.

А она лила бальзам:

– «Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами»[15 - «Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами». – А. Конан Дойл. Собака Баскервилей. Перевод Н. Волжиной / Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1966. С. 69.].

И эхо того воя одиноким криком вырвалось из души ее попутчика, стоном застряло в горле.

Сгущалась ночь, высоко в небе плыла луна, а где-то внизу ступала Женщина в белом, как и читала-рассказывала сестра милосердия, и летучая мышь обернулась волчицей, а та обернулась ящерицей и взбежала по стене на бледном челе больного.

Наконец в поезде наступила сонная тишина; только тогда книга выскользнула из рук мисс Минервы Холлидей и с глухим стуком упала на пол.

– Requiescat in pace? – с закрытыми глазами прошептал старый скиталец.

– Именно так. – Она с улыбкой кивнула. – Покойся с миром.

С этими словами оба погрузились в сон.

Наконец они доехали до побережья.

В воздухе висела дымка, которая обернулась туманом, а туман обернулся ливнем, потоком слез бесцветного небосвода.

От этого бледноликий старик пробудился, пошамкал губами и воздал хвалу призрачному небу, а заодно и этому берегу, где гостили фантомы прилива; тем временем экспресс остановился под крышей вокзала, и толпа пассажиров ринулась с поезда на паром.

Стараясь держаться подальше от толчеи, призрак остался в вагоне один, как наваждение.

– Постой! – слабо и жалобно простонал он. – Как же я буду на пароме? Там негде спрятаться! Да еще таможня!

Но таможенники, увидев болезненное лицо, нахлобученную шапку и меховые наушники, быстро замахали флажками, чтобы эта робкая душа, убеленная холодом и годами, скорее поднималась по трапу.

Чтобы попасть в окружение грубых голосов, острых локтей и всеобщей сутолоки. Паром, вздрогнув, отчалил, и старая сестра милосердия поняла, что ее ледяной спутник опять начал таять.

Мимо с криками пронеслась ватага детворы, и мисс Минерва Холидей решила, что пора действовать.

– Шевелись!

Она, можно сказать, сгребла в охапку своего подопечного и потащила его в ту сторону, куда бежали дети.

– Нет! – воскликнул он. – Там шумно!

– Такой шум тебе не повредит! – Она заталкивала его в какую-то дверь. – Этот шум целителен. Сюда!

Старик огляделся.

– Что я вижу, – пробормотал он, – игровая комната!

Сиделка увлекла его в самую гущу беготни и гомона.

– Дети! – обратилась она ко всем сразу.

Ребятишки замерли.

– Сейчас будем рассказывать истории!

Дети готовы были вернуться к своим играм, но она успела добавить:

– Страшные истории – о привидениях!

И как бы невзначай указала на немощного пассажира, который бледными, дрожащими пальцами сжимал шарф на ледяной шее.

– Всем сесть! – скомандовала медсестра.

Ребятишки загалдели и стали устраиваться на полу. Они сидели вокруг призрака с Восточного экспресса, будто индейцы вокруг вигвама, и смотрели, как полуоткрытый старческий рот холодят снежные бурунчики.

Призрак заколыхался. Тогда она поспешила спросить:

– А вы верите в привидения?

– Да! – вразнобой закричали дети. – Верим!

Тут призрак с Восточного экспресса приосанился. Его туловище окрепло. В глазах промелькнули крошечные, словно высеченные огнивом, искорки. На щеках зарозовели зимние бутоны. Дети подтягивались ближе, и с каждой минутой он делался выше и свежее. Палец-сосулька обвел детские лица.

– Сейчас… – зашелестел голос, – я… расскажу вам страшную историю. Хотите послушать про настоящее привидение?

– Хотим, хотим! – закричали дети.

И призрак повел свой рассказ; бледные уста, дыша туманами, притягивали дождливое марево; дети сбились в тесный кружок, который, словно догорающий костер, дарил ему блаженное тепло. Во время его рассказа сестра Холлидей, отступившая к дверям, видела то же самое, что видел ее спутник по ту сторону морских вод: белеющие тенями скалы, меловые скалы, спасительные скалы Дувра, от которых не так уж далеко до зазывного шепота башен, сводчатых подземелий и укромных чердаков, где испокон веков обитали призраки. Не отрываясь от этого видения, старая медсестра невольно потянулась к термометру, торчавшему из нагрудного кармана. Пощупала у себя пульс. На какой-то миг ей в глаза ударила темнота.

Тут раздался детский голос:

– А сам ты кто?

Кутаясь в невидимый саван, бледноликий пассажир напряг свою фантазию и дал ответ.

Только гудок перед швартовкой прервал долгую историю полночной жизни. За детьми стали приходить родители, чтобы увести их от старого джентльмена с туманным взглядом и едва слышным, пробирающим до костей голосом, который не умолкал до тех пор, пока паром не прижался боком к стенке причала; когда мать с отцом забрали последнего упирающегося мальчугана, старик и сиделка остались наедине в детской комнате, а паром дрожал сладостной дрожью, как будто тоже внимал рассказу о ночных ужасах, не пропуская ни слова.

Ступив на сходни, пассажир с Восточного экспресса отрывисто произнес:

– Нет. Я не нуждаюсь в помощи. Смотри!

С этими словами он уверенно сошел по трапу. За время рейса дети щедро добавили ему стати, румянца и голоса, а по мере приближения к Англии шаги

его становились все шире и тверже; когда он ступил на причал, из тонких губ вырвался слабый, но радостный смех, и даже идущая позади сиделка перестала хмуриться, видя, как он припустил к поезду.

Словно ребенок, старик забегал вперед, и на нее нахлынуло умиление, если не сказать больше. Но вдруг ее сердце, устремившееся следом, пронзила чудовищная боль, накрыл полог мрака, и она упала без чувств.

В спешке бледноликий пассажир даже не заметил, что сиделки рядом нет, – так он торопился.

На перроне он выдохнул: «Наконец-то», – и крепко ухватился за поручень. Но тут его охватило тревожное чувство, заставившее обернуться.

Минервы Холлидей нигде не было.

Впрочем, через какое-то мгновение она приблизилась, побледневшая, но сияющая лучистой улыбкой. Она трепетала и едва не падала. Настал его черед подхватить ее под руку.

– Голубушка, – промолвил он, – ты мне очень помогла.

– Будет тебе, – спокойно ответила она, выжидая, когда же он наконец по-настоящему ее разглядит. – Я, между прочим, никуда не спешу.

– Ты?..

– Я отправляюсь с тобой.

– Но ведь у тебя были свои планы?

– Они изменились. Теперь особо выбирать не приходится.

Повернувшись вполоборота, она поглядела через плечо.

На причале толпились люди – у трапа явно что-то произошло. Среди ропота и криков несколько раз послышалось: «Врача!»

Бледноликий старик уставился на Минерву Холлидей. Потом перевел взгляд на толпу, пытаясь высмотреть причину такого любопытства, но увидел только разбитый градусник, отлетевший в сторону. Тогда старческие глаза вновь устремились на Минерву Холлидей – она тоже неотрывно смотрела на разбитый термометр.

– Голубушка, милая моя, – выговорил он после долгого молчания. – Пойдем.

Она взглянула на него в упор:

– Синяя птица?

– Синяя птица! – кивнул он в ответ.

И помог ей сесть в поезд, который вскоре дрогнул, загудел и потянулся в сторону Лондона и Эдинбурга, в сторону торфяных болот, замков, темных ночей и вереницы столетий.

– Кто же там лежит? – спросил бледноликий пассажир, провожая глазами причал.

– Бог его знает, – сказала старая сиделка. – Не могу ответить.

Поезд уже набрал скорость.

А через двадцать секунд вокзальные рельсы и вовсе перестали дрожать.

Одна-единственная ночь

Когда он, преодолев на солидной скорости первый отрезок пути, добрался до Грин-Ривер, штат Айова, там стояло безоблачное весеннее утро в преддверии

лета. На трассе его «кадиллак» с откидным верхом раскипятился под прямыми лучами солнца, но перед въездом в городок, среди раскидистой придорожной зелени, богатства мягких теней и шепота прохлады, машина успокоилась.

Тридцать миль в час, подумал он, – то, что надо.

За пределами Лос-Анджелеса, где горевшая от зноя дорога была зажата между каменистыми каньонами и обломками метеоритов, он выжимал из машины все – в таких местах волей-неволей гонишь на предельной скорости, потому что все вокруг наводит на мысли о чем-то стремительном, жестком и безупречном.

Но здесь сам воздух, напоенный зеленью, струился рекой, по которой автомобиль просто не мог мчаться, как посуху. Оставалось только довериться волнам лиственной тени и дрейфовать по пестрому от бликов асфальту, как речная баржа – к летнему морю.

Глянешь наверх, где могучие кроны, – и покажется, будто лежишь на дне глубокой заводи, отдаваясь прибою.

На окраине он остановился у киоска, чтобы съесть хот-дог.

– Надо же, – шепотом сказал он себе самому, – пятнадцать лет здесь не бывал. Деревья-то как вымахали!

Он вернулся к машине – высокий, загорелый, с неправильными чертами лица и редеющими темными волосами.

– За каким чертом я еду в Нью-Йорк? – спросил он себя. Остаться бы здесь – зарыться в траву и лежать!

Он медленно двигался через старый город. В тупике на запасных путях стоял заброшенный ржавый паровоз, который давно не подавал голоса, давно выпустил весь пар. Жители входили в дома и магазины, а потом выходили из дверей так неспешно, словно их окружала теплая и чистая водная стихия. Замшелые каменные плиты делали любое движение мягким и бесшумным. Это был босоногий марктвеновский городок, где детство, заигравшись, не страшится наказания, а старость приближается беспечально. От таких размышлений он

даже хмыкнул вслух. А может, это только показалось.

Хорошо, что Элен со мной не поехала, подумал он. Ему явственно слышалось:

– Ну и дыра. Ты посмотри на эти лица: одно слово – провинция. Жми на газ. Черт побери, сколько еще тащиться до Нью-Йорка?

Тряхнув головой, он зажмурился, и Элен тут же перенеслась в Рино. Он звонил ей накануне вечером.

– Неплохо, что здесь можно по-быстрому развестись, – говорила она, отделенная от него тысячью миль жары. – Но сам городишко – просто мрак! Слава богу, хоть бассейн есть. Ну а ты что поделываешь?

– Малой скоростью двигаюсь на восток. – Ложь. Он мчался как пуля, чтобы оторваться от прошлого, чтобы оставить позади все, что можно. – Люблю сидеть за рулем.

– Сидеть за рулем? – переспросила Элен. – Не лучше ли сидеть в кресле самолета? Поездки на машине – такая тягомотина.

– Счастливо, Элен.

Он выехал из города. В Нью-Йорке ему нужно было появиться через пять дней, чтобы обсудить детали бродвейской пьесы, к которой душа не лежала с самого начала; затем предстояло мчаться в Голливуд и без всякой охоты доводить до ума сценарий, чтобы потом сломя голову нестись в Мехико, выкроив дни для торопливого зимнего отпуска. Ни дать ни взять мексиканская петарда, размышлял он: лечу по раскаленной проволоке, бьюсь головой о стену, разворачиваюсь – и с воем несусь к другой такой же стене.

Тут он поймал себя на том, что разогнался на зеленых холмистых просторах до семидесяти миль в час, и благоразумно сбавил скорость до тридцати пяти.

Пару раз вдохнув полной грудью прозрачный воздух, он съехал на обочину. Вдали, на травянистом пригорке, среди вековых деревьев замаячила девичья фигурка, которая двигалась вперед сквозь непривычный для него зной, но

почему-то не сходила с места; вскоре она исчезла – наверно, привиделась.

В час пополудни от земли исходило жужжание, как от мощного двигателя. За окном машины проносились блестящие штопальные иголки, как шипы жары. В воздухе роились пчелы, травы кланялись нежному ветру. Открыв дверцу машины, он ступил в плотный зной.

Одинокая тропка мурлыкала себе песню жуков, а ярдах в пятидесяти от шоссе ждала прохладная, тенистая роща, откуда, как из пещеры, веяло заветной влагой. Во все стороны тянулись клеверные холмы и открытое небо. Теперь одеревеневшие руки и ноги обрели подвижность, в холодном животе рассосалась железная тяжесть, а из пальцев ушла дрожь.

Вдруг в рощице на холме, уже совсем далеко, сквозь просвет в кустарнике он снова увидел все ту же девушку, которая уходила и уходила в теплую даль, пока не скрылась из виду.

Он медленно запер машину. Лениво направился в сторону рощи – его не отпускали звуки, которые своей неохватностью могли заполнить вселенную, самые прекрасные звуки на свете: перепевы беспечной речушки, которая стремится неведомо куда.

Отыскав эту речку, в которой сливались свет и тьма, он снял одежду, искупался, а потом растянулся на гальке, чтобы обсушиться и передохнуть. Вслед за тем не спеша оделся, и на него нахлынуло потаенное желание, былое видение, родом из семнадцатилетия. Он не раз описывал и пересказывал его лучшему другу:

– Выхожу я весенней ночью – ну, ты понимаешь, когда уже закончились холода. Иду гулять. С девушкой. Через час мы приходим в такое место, где нас не видно и не слышно. Поднимаемся на горку, садимся. Смотрим на звезды. Я держу ее за руку. Вдыхаю запах травы, молодой пшеницы и знаю, что нахожусь в самом сердце страны, в центре Штатов, вокруг нас – города и дороги, но все это далеко, и никто не знает, что мы сидим на траве и разглядываем ночь… Мне хочется просто держать ее за руку, веришь? Пойми, держаться за руки… это ни с чем не сравнить. Держаться за руки так, чтоб было не различить, есть в них движение или нет. Такую ночь не забудешь никогда: все остальное, что бывает по ночам, может выветриться из головы, а это пронесешь через всю жизнь. Когда просто держишься за руки – этим все сказано. Я уверен. Пройдет время,

все другое повторится раз за разом, войдет в привычку – но самое начало никогда не забудешь. Так вот, – продолжал он, – я бы хотел сидеть так долго-долго, не произнося ни слова. Для такой ночи слов не подобрать. Мы даже не будем смотреть друг на дружку. Будем глядеть вдаль, на городские огни, и думать о том, что испокон веков люди вот так же поднимались на холмы, потому что ничего лучше еще не придумано. И не будет придумано. Никакие дома, обряды, клятвы не сравнятся с такой ночью, как эта. Можно, конечно, сидеть и в городе, но дома, комнаты, люди – это одно дело, а когда над головой открытое небо и звезды, и двое сидят на холме, держась за руки, – это совсем другое. А потом эти двое поворачивают головы и смотрят друг на друга в лунном свете… И так всю ночь. Разве это плохо? Скажи честно, что в этом плохого?

– Плохо только то, – был ответ, – что мир в такую ночь остается прежним и возвращение неизбежно.

Так говорил ему Джозеф пятнадцать лет назад. Джозеф, закадычный друг, с которым они трепались днями напролет, философствовали, как подобает в юности, решали проблемы мироздания. После женитьбы один из них – Джозеф – затерялся на задворках Чикаго, а другого судьба привела на Средний Запад, и вся их философия пошла прахом.

Он вспомнил свой медовый месяц. Они с Элен отправились в путешествие по стране: в первый и последний раз она согласилась на эту «бредовую затею» (то есть поездку на машине). Лунными вечерами они ехали сквозь пшеничные, а потом сквозь кукурузные просторы Среднего Запада, и однажды Томас решился:

– А не провести ли нам одну ночку под открытым небом?

– Под открытым небом? – переспросила Элен.

– Да хотя бы вот здесь. – Напускная небрежность давалась ему с трудом. Он махнул рукой в сторону обочины. – Смотри, какая красота, кругом холмы. Ночь теплая. Лучше не придумаешь.

– Боже правый! – вскричала Элен. – Ты серьезно?

– Почему-то пришло в голову…

– Деревенские луга, будь они трижды прокляты, кишат змеями и всякими паразитами. Еще не хватало на ночь глядя пробираться в чужие угодья – все чулки будут в зацепках.

– Да кто об этом узнает?

– Об этом, милый мой, узнаю я.

– Мне просто…

– Том, голубчик, ты ведь пошутил, правда?

– Считай, что этого разговора не было, – ответил он.

На трассе среди лунной ночи им попался заштатный, убогий мотель, где вокруг голых электрических ламп кружили ночные мотыльки. В душной комнатушке, где стояла одна железная кровать, воняло краской, из придорожного бара неслись пьяные крики, а по шоссе всю ночь напролет, до самого рассвета, грохотали тяжелые фуры…

Он углубился в зеленую рощу, прислушиваясь к голосам тишины. Тишина здесь звучала на разные голоса: это под ногами пружинил мох, от деревьев – от каждого по-особому – падали тени, а родники, разбегаясь в разные стороны, спешили захватить новые владения.

На поляне он нашел несколько ягод лесной земляники и отправил их в рот. Машина… да черт с ней, мелькнуло у него в голове. Если с нее снимут колеса или вообще растащат по частям – плевать. Расплавится на солнцепеке – туда ей и дорога.

Опустившись на траву, он подложил руки под голову и уснул.

Первое, что он увидел, проснувшись, – это собственные часы. Шесть сорок пять. Проспал почти целый день. Его щекотали прохладные тени. По телу пробежала дрожь, он сел, но вставать не торопился, а наоборот, снова прилег, опершись подбородком на локоть и глядя перед собой.

Улыбчивая девушка сидела в нескольких шагах от него, сложив руки на коленях.

– Я и не слышал, как ты подошла, – сказал он.

Да, походка у нее совсем неслышная.

Без всяких причин, если не считать одной-единственной тайной причины, у Томаса зашлось сердце.

Девушка молчала. Он перевернулся на спину и закрыл глаза.

– Живешь в этих краях?

Она действительно жила неподалеку.

– Тут и родилась, и выросла?

Именно так, никуда отсюда не уезжала.

– Красивые здесь места.

На дерево опустилась птица.

– А тебе не страшно?

Он выжидал, но ответа не последовало.

– Ты же меня совсем не знаешь, – сказал он.

Да ведь и она ему не знакома.

– Ну, это большая разница, – сказал он.

А в чем разница-то?

– Сама должна понимать – это другое дело, и точка.

Минут через тридцать – по его собственному ощущению – он открыл глаза и посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ты и в самом деле здесь? Или это сон?

Она спросила, куда он едет.

– Далеко – куда вовсе не хочется.

Понятно, все так отвечают. Здесь многие останавливаются, а потом едут дальше, куда вовсе не хочется.

– Вот и я так же, – сказал он, медленно поднимаясь. – А знаешь, я только что сообразил: ведь у меня с утра ни крошки во рту не было.

Она протянула ему узелок, захваченный из дому: хлеб, сыр, печенье. Пока он жевал, они молчали, а он ел очень медленно, чтобы не спугнуть ее неосторожным движением, жестом или словом. День близился к закату, в воздухе повеяло прохладой; и тут он решил присмотреться к ней повнимательнее.

И увидел: она хороша собой, у нее белокурые волосы и безмятежное лицо, а на щеках играет свежий, здоровый румянец совершеннолетия.

Солнце ушло за горизонт. Они по-прежнему сидели на поляне, а небо, покуда доставало сил, хранило закатные цвета.

Тут до него донесся неразличимый шорох. Она поднималась на ноги. Потянулась к нему, взяла за руку. Стоя рядом, они окинули глазами рощу и уходящие вдаль холмы.

Потом сошли с тропинки и начали удаляться от машины, от трассы, от города. Землю на их пути освещала розовая весенняя луна.

От каждой травинки уже исходило предвестие ночи, теплое дыхание воздуха, бесшумное и бескрайнее. Они поднялись на вершину холма и там, не сговариваясь, сели на траву, глядя в небо. Ему подумалось: не может быть, такого не бывает; он даже не знал, кто она такая и каким ветром ее сюда занесло.

Милях в десяти прогудел паровоз, который умчался сквозь весеннюю ночь по темной земле, полыхнув коротким огнем.

И тут ему снова пришла на ум все та же похожая на сон история, поведанная лучшему другу много лет назад. Должна быть в жизни такая ночь, которая запомнится навсегда. Она приходит ко всем. И если ты чувствуешь, что эта ночь уже близка, уже вот-вот наступит – лови ее без лишних слов, а когда минует – держи язык за зубами. Упустишь – она, может, больше не придет. А ведь ее многие упустили, многие даже видели, как она уплывает, чтобы никогда больше не вернуться, потому что не смогли удержать на кончике дрожащего пальца хрупкое равновесие из весны и света, луны и сумерек, ночного холма и теплой травы, и уходящего поезда, и города, и дальних далей.

Мысли его обратились к Элен, а от нее – к Джозефу. Джозеф. Интересно, у тебя это получилось? Сумел ли ты оказаться в нужное время в нужном месте, все ли сложилось, как ты хотел? Этого теперь не узнать, потому что кирпичный город, забравший к себе Джозефа, давно потерял его среди кафельных лабиринтов подземки, черных лифтов и уличного грохота.

Об Элен и говорить нечего, она даже в мечтах не познала такую ночь – просто у нее в голове для этого не было места.

А меня вот занесло сюда, спокойно подумал он, за тысячу миль от всего и всех на свете.

Над мягкой луговой темнотой поплыл бой часов. Раз. Два. Три. На рубеже веков в каждом американском городке, будь он самым неприметным, возводили здание суда: от каменных стен в летний зной и то веяло холодком, а башня, заметная издалека даже в темном небе, глядела в разные стороны четырьмя бледными ликами часов. Пять, шесть. Прислушавшись к бронзовым ударам времени, он насчитал девять. Девять часов на пороге лета; залитый лунным светом теплый пригорок дышит жизнью средь огромного континента, рука касается другой

руки, а в голове крутится: мне скоро будет тридцать три. Но еще не поздно, ничего не потеряно, ко мне пришла та самая ночь.

Медленно и осторожно, как оживающая статуя, она поворачивала голову, пока глаза не устремились на его лицо. Он почувствовал, что и сам невольно поворачивает голову, как это много раз случалось во снах. Они неотрывно смотрели друг на друга.

Среди ночи он проснулся. Она лежала рядом без сна.

– Кто ты? – шепотом спросил он.

Ответа не было.

– Хочешь, я останусь еще на одну ночь? – предложил он.

Но в душе понимал: другой ночи не бывает. Бывает только одна-единственная, та самая ночь. Потом боги поворачиваются к тебе спиной.

– Хочешь, приеду следующим летом?

Она лежала, смежив веки, но не спала.

– Я даже не знаю, кто ты, – повторил он.

Ответа не было.

– Поедешь со мной? – спросил он. – В Нью-Йорк.

Но в душе понимал: она могла появиться только в этом месте и больше нигде, и только лишь в эту ночь.

– Но я не смогу тут остаться. – Это были самые правдивые и самые пустые слова.

Немного выждав, он еще раз спросил:

– Ты настоящая? Ты и в самом деле рядом?

Они уснули. Луна покатилась встречать утро.

На рассвете он спустился по склону, пересек рощу и приблизился к машине, мокрой от росы. Повернув ключ в дверце, он сел за руль и некоторое время не двигался с места, глядя назад, туда, где в росистых травах осталась дорожка его шагов. Он повернулся на сиденье, готовясь опять выйти из машины, и уже нащупал ручку дверцы, пристально вглядываясь вдаль.

Роща стояла безжизненно и тихо, тропа была пуста, шоссе тянулось вперед чистой, застывшей лентой. На тысячи миль вокруг ничто не нарушало покоя.

Он прогрел двигатель.

Машина указывала на восток, где неспешно занималось оранжевое солнце.

– Ладно, – вполголоса сказал он. – Эй, вы, я еду. Что ж поделаешь, раз вы еще живы. Что ж поделаешь: мир состоит не только из холмистых лугов, а как хорошо было бы ехать без остановки по такой дороге и никогда не сворачивать в города.

По пути на восток он ни разу не оглянулся.

К западу от Октября

В конце лета двоюродные братья, все вчетвером, нагрянули в гости к Родне. В старом хозяйском доме места не нашлось, поэтому их устроили на раскладушках в сарае, который вскорости сгорел.

А Родня-то была не простая. Каждый перещеголял своих предков.

Если сказать: все они днями спали, а по ночам проворачивали всякие дела, то лучше и вовсе не заводить историю.

Если поведать: кое-кто из них наловчился читать мысли, а кое-кто – летать с молнией и опускаться на землю с листьями, то получится недомолвка.

Если добавить: одни вовсе не отражались в зеркале, а другие (в том же самом зеркале) принимали любую стать, масть или плоть, то это будет на руку сплетникам, хотя и недалеко от истины.

Обретались в доме и дядья с тетками, и родные с двоюродными, и деды с бабками – что поганки на опушке, что опята на пне.

А разных окрасов и вовсе было не счесть. Сколько можно намешать за одну бессонную ночь, столько и было.

Кое у кого еще молоко на губах не обсохло, а иные были ровесниками Сфинкса: застали ту пору, когда он только-только погрузил каменные лапы в прибрежный песок.

Вот такое невообразимое сборище, примечательное и числом, и подноготной, и норовом, и даровитостью. Но самой примечательной из всех была…

Сеси.

Сеси. На самом-то деле ради нее и наведывались сюда все родичи, а обняв ее, не торопились восвояси. Чудесных талантов у нее было множество – как зерен в спелом гранате. Вернее сказать, был у нее один-единственный дар, который искрился бесконечными узорами. В ней уживались все чувства всех живых созданий. В ней уживались все страсти, от первой до последней, какие с незапамятных времен изображались на холсте, на подмостках, на экране. Что ни попросишь – все исполнит.

Попроси вырвать у тебя душу, словно больной зуб, и унести к облакам, чтобы охладить пыл, – так она и сделает: поднимется ввысь, да еще облака выберет такие, которые набухли дождем, сулящим свежую траву и ранние цветы.

Попроси взять все ту же душу и облечь ее плотью дерева – наутро проснешься и почувствуешь: на ветках у тебя висят яблоки, а на зеленой макушке средь листвы распевают птицы.

Попроси обратить тебя в лягушку – и будешь днями напролет барахтаться в болоте, а по ночам квакать, выводя свои лягушачьи трели.

Захочешь стать чистым ливнем – и напитаешь собою все, что есть сущего. Захочешь стать луной – и тут же увидишь внизу затерянные города, выбеленные твоим сиянием до цвета савана, туберозы и бестелесного призрака.

Сеси. Она брала твою душу вместе с мудростью и наделяла ею хоть зверя, хоть росток, хоть камень – только слово скажи.

Понятное дело, Родня к ней тянулась. Понятное дело, никто не спешил прощаться после обеда, все засиживались допоздна после ужина, не расходились далеко за полночь – и так неделю за неделей!

Так вот, четверо двоюродных братьев тоже наведались в гости.

И на закате первого дня, почитай, хором спросили:

– А можно?..

Они стояли рядком в хозяйском доме, подле ложа Сеси, а та не выбиралась из постели ночами напролет и даже в полдень, потому что родным и близким все время требовались ее таланты.

– Что «можно»? – с ласковой улыбкой переспросила Сеси, не открывая глаз. – Чего вам хочется?

– Мне… – начал Том.

– Как бы это… – сказали Уильям и Филип.

– А ты сумеешь?.. – спросил Джон.

– Перенести вас в здешнюю психушку, – угадала Сеси, – и показать, что творится в головах у дуриков?

– Точно!

– Сказано – сделано! – кивнула Сеси. – Идите к себе в сарай и ложитесь спать.

Все четверо помчались со всех ног. Улеглись.

– Молодцы. Повернулись бочком, сели торчком… и полетели гуськом! – промолвила она.

Их души вырвались наружу, как пробки. Воспарили, как птицы. Блестящими, но невидимыми иголками проникли в большие и маленькие уши, коих предостаточно было в лечебнице для умалишенных, что стояла за оврагом, у подножья холма.

– Ах! – Увиденное привело их в восторг.

Пока братья витали, где им хотелось, сарай сгорел дотла.

Домочадцы, охваченные паникой, сбились с ног, пока таскали воду, и никто не задумался, что же хранилось в том сарае, куда подевались братья-летуны и к чему приложила руку Сеси, которая сейчас крепко спала. До того безмятежен был сон общей любимицы, что она даже не услышала, как завывает пламя, и не ужаснулась, когда рухнула крыша, похоронившая четыре факела в виде человеческих фигур. А двоюродные братья не сразу сообразили, каково будет жить дальше, если от тела остался один пшик. Но вскоре небеса содрогнулись от немого грома: он прокатился по всей округе, дал пинка бестелесным духам погибших братьев, раскружил их четверку на крыльях ветряной мельницы и опустил на ветки деревьев. В это мгновение Сеси охнула и спустила ноги на пол.

Подбежав к окошку, она выглянула во двор и закричала так, что братья пулей примчались домой. А ведь до того как грянул гром, все четверо находились в разных палатах: они отворяли дверцы в головах умалишенных и сквозь вихри конфетти разглядывали многоцветье безумия и темную радугу кошмаров.

Родичи замерли вокруг пожарища. На крик Сеси все как один обернулись.

– Что тут стряслось? – прокричал Джон из ее уст.

– Да объясните же! – слетели у нее с языка слова Филипа.

– Ну и дела! – охнул Уильям, обводя двор ее глазами.

– Сарай сгорел, – сказал Том. – Нам каюк!

Черная от сажи, пропахшая дымом Родня, которая теперь смахивала на шутовскую похоронную процессию, в остолбенении глядела на Сеси.

– Сеси! – разгневалась Матушка. – Ты не одна? Кто там у тебя?

– Это я – Том! – прокричал Том ее губами.

– И я – Джон.

– Филип.

– Уильям!

Духи отзывались языком Сеси.

Родня замерла в ожидании.

Тогда четыре молодых голоса хором задали самый последний, сокрушительный вопрос:

– А вы хоть одно тело спасли?

Родичи так и ушли в землю на целый дюйм, пришибленные ответом, который не отважились вымолвить.

– Погодите-ка… – Сеси оперлась на локти, чтобы ощупать подбородок, лоб и губы, за которыми теперь точно так же опирались на локти четверо бойких призраков. – Постойте, а что мне с ними делать? – Ища ответа, она вглядывалась сверху в лица родичей. – Не могу же я таскать с собою двоюродных братьев! Им не ужиться у меня в голове!

Что еще она кричала после этого, какие слова четверки братьев перекатывались, точно камешки, у нее под языком, что отвечали на это родичи, метавшиеся, как паленые куры, по всему двору, – никому не ведомо.

Потому что в этот миг, словно в день Страшного суда, рухнули стены сарая.

Огонь с глухим ревом улетал в дымоход. Октябрьский ветер так и норовил прильнуть к черепице, чтобы подслушать беседу, которую вела собравшаяся в столовой Родня.

– Если получится… – заговорил Отец.

– Никаких «если»! – воскликнула Сеси, у которой глаза делались то синими, то желто-зелеными, то карими, то почти черными.

– …хорошо бы парней наших куда-нибудь определить. Найти для них временный приют, а уж после, когда подберем каждому новое тело…

– Чем скорее, тем лучше, – донеслось изо рта Сеси: грубый голос, потом тонкий, грубый – тонкий, без всяких переходов.

– Джозефа можно подселить к Биону, Тома – к Леонарду, Уильяма – к Сэму, а Филипа…

Поименованные дядья насупились и зашаркали подошвами по полу.

За всех высказался Леонард:

– Недосуг нам. И так забот по горло. У Биона – лавка, у Сэма – ферма.

– Как же так… – У Сеси со стоном вырвалось четырехголосое отчаяние.

Отец в потемках опустился на стул:

– Вот беда! Неужто среди нас не отыщется добряк, у которого времени хоть отбавляй, да к тому же имеется свободный уголок на задворках сознания или в трюме подсознания? Добровольцы! Встать!

Тут родичи похолодели: со своего места поднялась Бабушка, тыча куда-то тростью, как ведьма – помелом:

– Вот кому время девать некуда. Вот кого я предлагаю, выдвигаю и к сему прилагаю!

Словно марионетки на одной веревочке, все изумленно повернулись в ту сторону, где сидел Дедуля.

Дедуля вскочил, как от выстрела.

– Ни за что!

– Молчок! – Бабушка опустила веки в знак того, что вопрос закрыт, сложила руки на груди и что-то промурлыкала. – У тебя времени пруд пруди.

– Христом Богом молю!

– Это, – не открывая глаз, Бабушка наугад обвела комнату круговым жестом, – Родня. В целом мире другой такой не найдешь. Мы особенные, дивные, необыкновенные. Днями спим, ночами разгуливаем, летаем с ветрами по воздуху, странствуем с грозами, читаем мысли, чураемся спиртного, любим кровушку, ворожим, живем вечность или тысячу лет – как повезет. Одним словом, мы – Родня. А раз так, на кого же нам еще опереться, на кого положиться в трудный час?..

– Ни за какие коврижки…

– Молчок. – Один глаз открылся, вспыхнул, как алмаз раджи, потускнел и снова закрылся. – По утрам ты хандришь, днем маешься от безделья, ночью изводишься. Четверке двоюродных не место у Сеси в мозгах. Куда это годится: в голове у хрупкой девушки – четыре здоровенных парня. – Тут Бабушка подсластила свои речи. – Заодно научишь их уму-разуму. Ведь на твоей памяти Наполеон пошел на Россию и еле унес ноги, а Бен Франклин подцепил дурную болезнь. Мальчишек надо хотя бы на время затолкать тебе в ухо. Что у тебя там внутри, в черепушке, – одному богу известно, но если повезет, повторяю, если повезет, ребятам все же станет веселее. Неужели ты откажешь им в такой малости?

– Силы небесные! – Дедуля вскочил с места. – Еще не хватало, чтобы у меня в голове потасовки начались, от правого уха до левого! Да эти жеребцы мне чердак снесут! Чего доброго, начнут мои глазные яблоки гонять, как футбольные мячи! Мой череп – это вам не постоялый двор. Ну да ладно, пусть заходят, только по одному! Том с утра пораньше будет мне поднимать веки. Уильям за обедом подсобит еду глотать. Джон, глядишь, ближе к вечеру доберется до мозга костей да подремлет в холодке. А уж ночью пусть Филип резвится у меня под крышей, сколько влезет. Но мне и для себя пожить хочется. Да, кстати, чтоб перед уходом навели у меня в мозгах порядок!

– Так тому и быть! – Бабушка еще раз описала в воздухе дугу, словно дирижируя оркестром-призраком. – Ясно вам, ребятки? Заходи по одному!

– Ясно! – грянуло изо рта у Сеси.

– Пошел! – скомандовал Дедуля.

– Дорогу! – потребовали четыре голоса.

Поскольку никто не уточнил, кому из братьев следует войти первым, среди фантомов началась сутолока, в воздухе повеяло незримой грозой и могучим ураганом.

У Дедули на лице промелькнули четыре выражения. Тщедушное тело содрогнулось от четырех подземных толчков. Четыре улыбки гаммами пробежали по клавишам зубов. Старик и охнуть не успел, как четыре разные походки с разной скоростью понесли его прочь из дому, по травке, а там – с

воплями протеста и заливистым смехом – по старым шпалам, в сторону полного соблазнов города.

Родня столпилась на крыльце, провожая глазами диковинную процессию из одной персоны.

– Сеси! Сделай же что-нибудь!

Но Сеси, вконец обессилев, уже спала в кресле как убитая.

Вот так-то.

На другой день, ровно в двенадцать, к станции, пыхтя, подкатил неуклюжий синий паровоз, а на платформе уже выстроилась вся Родня, поддерживая под руки согбенного Дедулю. Его буквально внесли в сидячий вагон, где пахло свежей морилкой и нагретым плюшем. Дедуля, смежив веки, без умолку разговаривал на разные голоса, но Родня делала вид, что ничего особенного не происходит.

Его опустили на сиденье, как тряпичную куклу, нахлобучили поглубже соломенную шляпу, словно подвели ветхий дом под новую крышу, и принялись напутствовать:

– Дедуля, сиди прямо. Дедуля, шляпу не потеряй. Дедуля, в дороге не пей. Слышь, Дедуля? Расступитесь-ка, милые, дайте старику сказать.

– Я все слышу, – чирикнул Дедуля, по-птичьи скосив глаза. – И страдаю за их грехи. Они пьют, а мне – похмелье. Дьявольщина!

– Наговаривает! Враки! Мы-то при чем? – возмущались голоса то в одном, то в другом углу рта. – Глупости!

– Молчок! – Это Бабушка ухватила старика за подбородок и тряхнула, чтобы кости встали на место. – К западу от Октября лежит Кранамокетт, до него рукой подать. Там у нас все свои: дядья, тетки, двоюродные-троюродные, многосемейные и бездетные. Твоя задача – легче легкого: доедешь до места,

высадишь ребят…

– Чтоб у меня больше голова о них не болела, – буркнул Дедуля, и с этими словами из-под дрогнувшего века выкатилась одинокая слеза.

– А коли не сумеешь высадить этих обормотов, должен вернуть их домой в целости и сохранности!

– Если они меня не доконают.

– Счастливо оставаться! – слетели у него с языка четыре голоса.

– До свидания! – Родня махала с платформы. – В добрый час, Дедуля, Том, Уильям, Филип, Джон!

– И я с ними! – раздался девичий голосок.

У Дедули отвисла челюсть.

– Сеси! – вскричала Родня. – Будь здорова!

– И вам не хворать, – сказал Дедуля.

Поезд потянулся в горы, к западу от Октября.

На длинном повороте Дедуля стал клониться вбок и поскрипывать.

– Эй, – шепнул Том, – кажись, приехали.

– И верно. Тишина.

Потом Уильям тоже сказал:

– Кажись, приехали.

Опять повисло молчание. Паровоз дал гудок.

– Что-то я притомился, – посетовал Джон.

– Ты притомился! – хмыкнул Дедуля.

– Запашок тут… – отметил Филип.

– Неудивительно. Дедуле-то десять тысяч лет. Верно, Дедуля?

– Всего четыре тыщи, не болтай ерунды! – Дедуля постучал по черепу костяшками пальцев. В голове заметались испуганные птицы. – Тише вы там!

– Ну, будет, будет, – примирительно зашептала Сеси. – Я прекрасно выспалась и могу тебя немного проводить, Дедуля, – научу, как лучше содержать, укрощать и оберегать этих воронов и стервятников у тебя в клетке.

– Кто тут ворон? Кто тут стервятник? – возмутились двоюродные.

– Замолчите. – Сеси утрамбовала братьев, как табак в давно не чищенной трубке. Тело ее было далеко – оно привычно спало в постели, а разум тихо витал среди них, осязал, толкался, завораживал, усмирял. – Скажите «спасибо». Вы только посмотрите вокруг.

Братья огляделись.

И верно, у Дедули под темечком было уютно, как в тепле чердака: сложив прозрачные крылья, вокруг покоились воспоминания, перетянутые ленточками, разложенные стопками и пачками, укутанные в саваны, припорошенные тенями. Самые яркие вспыхивали то тут, то там лучами янтарного света, а из каждого луча отливался и чеканился где золотой час, где летний денек. От пожелтевших сводов, под которыми теперь толкались невидимые локти, тянуло потертой кожей и паленым конским волосом да еще, едва уловимо, какой-то неопрятностью.

– Глянь, – перешептывались братья. – Чтоб я сдох! Ничего себе!

Затаив дыхание, они теперь заглядывали в пыльные бойницы стариковских глаз и видели огромный, огнедышащий паровоз, который уносил их сквозь бронзово-зеленый осенний мир, проносящийся мимо, будто поток машин перед подернутыми паутиной окнами старого дома. Когда они заговорили Дедулиными устами, голос получился глуховатый, как у ржавого церковного колокола. Между тем в волосатые уши назойливыми радиопомехами врывались голоса летящего мира.

– Ну ладно, – смирился Том, – лучше уж так, чем вовсе без тела.

– Голова кружится, – сказал Джон. – Не могу привыкнуть к бифокальным стеклам. Дедуля, сними очки, сделай одолжение.

– Блажь!

Поезд загрохотал по мосту.

– Надо поглядеть, что там делается, – решил Том.

У Дедули начали подрагивать руки-ноги.

– Не дергайся, малец!

Дедуля крепко зажмурился.

– Открой ставни, Дедуля! Поглядеть охота!

Глазные яблоки вращались под веками.

– Вон девчонка красивая, вся из себя ладненькая! Не теряйся!

Дедуля зажмурился еще крепче.

– На всем свете другой такой не сыщешь!

Не удержавшись, Дедуля приоткрыл один глаз.

– Наконец-то! – сказали все хором. – Есть на что посмотреть, верно, Дедуля?

– Блажь!

Девушка раскачивалась из стороны в сторону, наклонялась вперед и откидывалась назад в такт движению поезда, – хорошенькая, как игрушка, которую можно выиграть на ярмарке, посшибав молочные бутылки.

– Эка невидаль! – Дедуля захлопнул свои окна.

– Сезам, откройся!

В тот же миг его зрачки были повернуты в нужную сторону.

– Не сметь! – закричал Дедуля. – Меня Бабушка прибьет!

– Да она не узнает!

Девушка обернулась, будто ее окликнули. Потом стала клониться назад, готовая упасть на всех и каждого разом.

– Одумайтесь! – вопил Дедуля. – Ведь с нами Сеси! Она невинна, да к тому же…

– Невинна! – Чердак содрогнулся от хохота.

– Дед, – тихо промолвила Сеси, – после всех моих ночных приключений, после всех странствий, не так уж я и…

– Невинна, – подхватили братья.

– Я бы попросил! – запротестовал Дедуля.

– Нет, это я бы тебя попросила, – шепотом продолжала Сеси. – Мне тысячу раз доводилось летними ночами прошивать насквозь окна спальни. Я блаженствовала на хрустких снежных простынях, подложив под голову сугробы,

купалась голышом в августовский полдень, а потом лежала на берегу, где меня разглядывали птицы…

– Не желаю… – Дедуля заткнул уши, – этого слушать!

– А придется. – Ее голос летел над прохладными лугами, припоминая. – Я опускалась на теплое, летнее девичье лицо и смотрела на какого-то парня, и в тот же миг вселялась в этого парня, чтобы обжигать горячим дыханием и не сводить глаз с вечно летней девушки. В брачную пору вселялась я и в мышей, и в трепетных неразлучников, и в нежных голубков. Пряталась в бабочках, соединившихся на цветке клевера…

– Кошмар! – содрогнулся Дедуля.

– Я мчалась в санях декабрьской ночью: падал снег, из розовых лошадиных ноздрей валил пар, а я куталась в меха вместе с шестерыми седоками, шарила под теплой полостью, что-то искала и находила, а потом…

– Хватит! Сил моих нет! – вскричал Дедуля.

– Браво! – вскричали двоюродные. – Бис!

– …а потом я проникла в сказочный замок из плоти и крови – в прекраснейшую женщину!..

Дедуля остолбенел.

Как будто на него опустилась снежная пелена, заставившая молчать. Он явственно ощутил: у лица качаются цветы, на ухо шепчет легкий июльский ветерок, тело согревается теплой волной, на тщедушном стариковском торсе набухает грудь, а внизу живота расцветает огненный бутон. Сеси говорила, а его губы делались мягкими и сочными, еще чуть-чуть – и с этих губ сорвалась бы неудержимая лавина стихов; жилистые, словно изъеденные ржавчиной, пальцы опустились на колени, стали наливаться сливками, молоком, талым яблочным снегом. Потупившись, он в ужасе стиснул кулаки, чтобы окончательно не обабиться!

– Не хочу! Верни мои руки! Прополощи мне рот!

– Хватить трепаться. – Это заговорил внутренний голос – Филип.

– Только время теряем, – подхватил Том.

– Надо бы познакомиться с той девчонкой, что сидит через проход, – сказал Джон. – Все согласны?

– Все! – пропел в одно горло вокальный квартет. Дедуля подскочил – его словно дернули за невидимые веревочки.

– Возражений нет?

– Есть! – вскричал Дедуля.

Он надавил себе на веки, надавил на темя, надавил на ребра. Чудовищное ложе, потеснившее все его нутро, обрушилось, увлекая за собой перепуганных узников.

– Вот вам!

Братья рикошетом запрыгали в потемках.

– На помощь! Сеси! Тут темно хоть глаз выколи! Посвети, Сеси!

– Я здесь, – отозвалась Сеси.

До старика что-то дотронулось: ущипнуло, пощекотало, почесало за ухом, пробежало по спине. У него дрогнули колени, скрипнули лодыжки. В горло набились перья, в носу защипало от гари.

– Уилл, левая нога, шевелись! Том, правая нога, оп-па! Филип, правая рука! Джон, левая! Резко! А я подхвачу цыплячье туловище. Готовы? Дружно!

– Раз-два!

– Взяли! Живо!

Дедуля побежал.

Только не через проход, а вдоль вагона – охая и сверкая глазами.

– Стой! – грянул античный хор. – Девчонка не там! Эй, кто-нибудь, поставьте ему подножку! Ноги-то у кого? У тебя, Уилл? У Тома?

Дедуля распахнул дверь, выскочил в продуваемый ветром тамбур и уж примерился было спрыгнуть в пролетающие мимо подсолнухи. Как вдруг:

– Замри! Примерзни! – раздалось у него изо рта.

Он так и примерз к задней площадке стремительно несущегося поезда.

Через мгновение, подхваченный какой-то силой, он снова очутился в вагоне. На повороте его бросило прямехонько в объятия к той миловидной девушке.

– Прошу… – Дедуля вскочил, – меня простить.

– Прощаю. – Девушка широко раскрыла объятия.

– Нет-нет, умоляю, не затрудняйтесь, не нужно! – Дедуля рухнул в кресло напротив и зажмурился. – Черт! Проклятье! А ну, замрите! Убирайтесь на чердак, вампиры! Чтоб вам пусто было!

Братья с ухмылкой заткнули ему уши воском.

– Не забывайтесь! – процедил сквозь зубы Дедуля. – Где вы, молодые жеребцы, а где я, полутруп!

– Ну и что? – пропел камерный квартет за сомкнутыми веками. – С нами и ты станешь молодым жеребцом!

Он почувствовал, как в животе подожгли шнур, от которого в груди рванула бомба.

– Нет!

В потемках Дедуля дернул за какой-то шнурок. Распахнулась потайная дверца. Братья кубарем полетели в бесконечный, манящий лабиринт многоцветья и памяти. Где явственно виднелись какие-то фигуры, такие же манящие и почти такие же теплые, как сидящая напротив девушка. На лету братья вопили:

– Эй, полегче!

– Где это я?

– Том!

– Я где-то в Висконсине! Как меня сюда занесло?

– А я на пароходе, плыву по Гудзону! Уильям!

Уильям откликнулся откуда-то издалека:

– Я в Лондоне. Вот угораздило! В газете число: двадцать второе августа тысяча девятисотого года!

– Не может быть! Сеси!

– Сеси тут ни при чем! Это все я! – сообщил вездесущий Дедуля. – Вы все у меня вот где, на чердаке, будь он неладен, и пользуетесь моей памятью о местах и встречах, как бумажными полотенцами. Берегите головы, потолок-то низкий!

– Ну-ну, – хмыкнул Уильям, – тогда что же я разглядываю сверху – Большой Каньон или морщину на твоей мошонке?

– Большой Каньон, – подтвердил Дедуля. – Год тысяча девятьсот двадцать первый.

– Здесь женщина! – воскликнул Том. – Совсем близко!

В ту пору, двести весен тому назад, женщина была чудо как хороша. Имени ее Дедуля не помнил. Она попросту оказалась рядом в теплый полдень, когда он жадно срывал сладкие плоды.

Том потянулся к прекрасному видению.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тойнби, Арнольд (1889–1975) – английский историк, автор 12-томного труда «Постижение истории» (1934–1961), в котором изложил свою философию истории, свое видение циклического развития и упадка цивилизаций (на примере 26 народов). Подвергся суровой критике коллег, поскольку признавал за мифами и метафорами не меньшую значимость, чем за фактическими данными.

2

…1984 год не сулил никаких бед… – аллюзия на роман-антиутопию Дж. Оруэлла «1984» (1949).

3

Когда «Игл» опустился на Луну, позволив сделать гигантский скачок для всего человечества. – «Это маленький шаг для одного человека, но гигантский скачок для всего человечества» – первые слова, которые произнес астронавт Нил Армстронг 21 июля 1969 г., ступив на поверхность Луны из спускаемого аппарата «Игл».

4

Вагон заполонили интеллектуалы, посетившие цикл семинаров на тему «тошноты» Сартра; воздух истощался и кипел от их разглагольствований о Симоне де Бовуар. – Жан-Поль Сартр (1905–1980) – французский философ-экзистенциалист, писатель; его роман «Тошнота» (1938) написан в форме дневника некоего Антуана Рокентина, который, будучи не в состоянии обрести веру или воздействовать на окружающую действительность, проникается абсурдностью существования. Симона де Бовуар (1908–1986) – французская писательница, ученица и сподвижница Сартра.

5

«Рождественская песня» (1843) – первая из «Рождественских повестей» Чарльза Диккенса (1812–1870).

6

«Грозовой перевал» (1847) – роман Эмили Бронте (1818–1848).

7

«Поворот винта» (1898) – новелла Генри Джеймса (1843–1916) (см. прим. к с. 270.).

8

«Ребекка» (1938) – самый известный роман Дафны Дюморье (1907–1989), внучки Джорджа Дюморье (см. прим. к с. 155).

9

«Лапка обезьяны» (1902) – рассказ У. У. Джейкобса (1863–1943).

10

«Так слушай… <…> И помни обо мне!» – У. Шекспир. Гамлет. Перевод М. Лозинского / Полное собрание сочинений в восьми томах: Том 6. М., 1960. С. 33–35.

11

«Начать с того, что Марли был мертв…» – Ч. Диккенс. Рождественские повести / Собрание сочинений в тридцати томах: Том 12. Перевод под редакцией

О. Холмской. С. 7.

12

«Я – Святочный Дух Прошлых Лет»! – Ч. Диккенс. Рождественские повести / Собрание сочинений в тридцати томах: Том 12. Перевод под редакцией О. Холмской. С. 32.

13

«Повозка-призрак выскользнула из тумана и с цоканьем скрылась во мгле…» – Из рассказа «Повозка-призрак» (1885) Редьярда Киплинга (1865–1936).

14

Все бьется, бьется, бьется под досками пола старое сердце-обличитель! – парафраз финала рассказа Эдгара По (1809–1849) «Сердце-обличитель» (1843).

15

«Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами». – А. Конан Дойл. Собака Баскервилей. Перевод Н. Волжиной / Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1966. С. 69.

Купить: https://tellnovel.com/rey-bredberi/k-zapadu-ot-oktyabrya-sbornik-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити